

Б. Ливехуд
О спасении души
Совместное действие трех великих вождей человечества

В этой книге, по существу своему духовном завещании, Бернард Ливехуд рассматривает судьбу трех великих вождей человечества, Рудольфа Штайнера, Христиана Розенкройца и Ману. Действуя сообща в духовном водительстве развитием человечества, они образуют три духовных потока. Автор исследует проявление этих течений в индивидуальной жизни человека и в возможных событиях ближайшего будущего.

На русском языке издастся впервые.

Для участников антропософского движения.

Оригинал книги на голландском языке: Bernard Lievegoed "Over de redding van de ziel" Uitgeverij Vrij Geestesleven, Zeist 1993

ISBN 90-6038-347-8 /NUGI 612/
CIP

ISBN 5-88000-029-x

"Духовное познание" Калуга
1996

Предисловие

Бернард Ливехуд умер 12 декабря 1992 года в возрасте 87 лет, едва успев завершить работу над этой книгой. Последняя беседа состоялась за десять дней до его смерти. Бернард Ливехуд рассматривал эту книгу как свой прощальный привет и неоднократно называл "духовным заветом". В последней беседе он попросил меня написать предисловие и изложить в нем обстоятельства ее возникновения. Он считал, что читателю, чтобы вынести правильное суждение о книге, следует их знать. Я охотно выполняю эту просьбу.

Тема этой книги занимала Бернарда Ливехуда, как он сам сообщает в первой главе, более шестидесяти лет. Ее содержание - животрепещущие вопросы, касающиеся внутренних и спиритуальных основ антропософии и задачи антропософского движения в мире. Долгое время эти вопросы оставались для него открытыми. Однако после перенесенной тяжелой операции ему, наконец,, многое прояснилось. Его радость по этому поводу была велика, и он собрал все силы, чтобы запечатлеть эти ответы письменно.

Бернард Ливехуд попросил меня о помощи, так как у него не было больше физических сил написать эту книгу самому. Десять раз я приходил с диктофоном, сидел у постели больного и слушал, что он хотел сказать. Я как сейчас вижу его иссохшую, но гордую голову на высокой подушке, белые виски, серьезные глаза в глубоких впадинах. Он говорил медленно, иногда надолго замолкал, погружаясь в себя, и тогда его взор словно бы скользил мимо меня. Что он мог там видеть? Я полагаю, духовное поле битвы, на

котором в ближайшем будущем развернется великое духовное сражение между силами материализма и эзотерического христианства. Потому что книга как раз об этом, о том, что тогда произойдет.

Собрав силы, он возвысился над болью и физическими недугами и полностью сконцентрировал себя для работы над книгой.

Большой радостью было для него, когда ему в руки попал рукописный, почти не читаемый манускрипт: собственноручный очерк жизни его друга Эренфрида Пфайффера, который в 1961 году умер в США. На больничной постели читал Ливехуд записи о внутренней борьбе, которую пришлось выдержать Пфайфферу, о его встречах с Рудольфом Штайнером, о том, как заботил Пфайффера ход развития антропософии. И он сразу воспринял эти размышления Пфайффера как поощрение и помощь в том, что, сам он еще только хотел совершить.

В последний год жизни Бернад Ливехуд мог видеть вещи очищенными от внешней шелухи, он отделял существенное от несущественного, как милосердный государь судил о человеческих слабостях и бесстрастно взирал на различные жизненные неприятности. Прежде всего в последние недели, как мне показалось, он возвысился над собственной биографией, он не говорил больше о "своих" инситутах, таких, как Цоннехуиз, НПИ и Высшая Свободная Школа. Не говорил он больше и о своих книгах, о том, как он был председателем Антропософского Общества в Нидерландах, о своих успехах и неудачах (которые тоже были). Он еще раз подытожил свою жизнь и сконцентрировал ее содержание в сильных образах, которые затем выразил в простых словах.

Для лучшего понимания этой книги необходимо указать на ту серьезность, с которой Ливехуд говорил. Его отличительной чертой всегда был реализм, с которым он рассматривал происходящее в мире и в антропософском движении. Ему, как, возможно, только очень немногим, было ясно, что ближайшие годы будут иметь решающее значение.

В личном общении с ним всегда возникало ощущение, что ход собственной жизни со всеми возникающими при этом настоящими проблемами представляет собой часть более общего целого. Без лишних слов - тогда нас еще не связывала дружба - обращался он к нашей способности возвыситься над самими собой. В основе этой книги лежит то же самое обращение: не рассматривай собственные трудности и радости как имеющие исключительно личную природу, но попытайся увидеть их как выражение чего-то общечеловеческого. В точке пересечения личного с общечеловеческим может свершиться то, на что столь многие люди в ходе своей жизни пусть даже неосознанно надеются: преобразование личного зрения "О спасении души" может стать книгой, дающей мужество, книгой, которая обращена лично к каждому читателю.

В этой книге идет речь не только о личной судьбе отдельных индивидуальностей, но также об антропософском движении в целом. В отношении него позволительно говорить о нависшей драме: если антропософское движение - со всеми внутренними коллизиями, которые в нем происходят - не сможет привести в порядок свою собственную судьбу, будет упущена и судьба мира.

В истории антропософского движения такая ситуация уже складывалась раньше, в тридцатые годы, во время прихода к власти национал-социалистов. Говоря словами Бернарда Ливехуда (из книги "Сквозь игольное ушко"), "опасность тридцатых годов была несказанно серьезна. Антропософское общество лишилось права голоса. Кто не в состоянии разрешить собственные проблемы, тот тем более не вправе предлагать миру собственное решение проблем! (...) Если оглядываться на тридцатые годы, то следует спросить, как это стало возможным, что тогда в антропософском движении не было понято, в чем, в сущности, дело? Рудольф Штайнер часто говорил о начале тридцатых годов нашего столетия и указывал на то, что в это время в духовном мире совершится важное событие: явление Христа в эфирном мире. Разве не подчеркивал он столь часто:

как важно, чтобы люди не проспали это событие! И он видел задачу антропософского движения в том, чтобы воспитать у людей бодрость для этого!"

Из-за внутренних проблем антропософское движение оказалось тогда неспособным выполнить свою спиритуальную задачу. И Ливехуд считался с реальной возможностью, что эта ситуация может повториться в грядущие годы. "Если антропософскому движению не удастся это и теперь, осуществить плодотворное сотрудничество между отдельными кармическими группами, - говорил он в одной из бесед в январе 1992 года, - то история повторится. Духовные силы, которые инспирировали национал-социализм, не умерли, они ждут нового шанса, и он непременно наступит. Нужно только посмотреть вокруг! Естественно, силы зла проявятся совершенно новым образом, совершенно иначе, чем в тридцатые годы. И большой вопрос, действительно ли на сей раз антропософское движение готово к этому!"

Бернард Ливехуд был озабочен тем, как он сам, несмотря на тяжелую болезнь, мог бы еще содействовать этому. В июне 1992 г. он позвонил мне и сказал, что ему плохо - не могу ли я приехать и как можно быстрее? Через пару дней я уже был у него. Каждая деталь этого визита отчетливейшим образом запечатлелась в моей памяти. Я не видел его почти полгода и когда увидел, ужаснулся. Он был очень слаб и сильно исхудал, кроме того, имел проблемы с желудком (он перенес тяжелую операцию) и при ходьбе больше шатался, чем шел.

Он подробно рассказал мне о состоянии здоровья, о прошедшей операции. Его выдержка производила большое впечатление. Он вовсе не жалел себя и не сетовал. Прозаическим тоном описывал он свое состояние. Очевидно, он хотел, чтобы у меня была ясная картина. Он терпеливо отвечал на мои сочувственные вопросы и в конце сказал, молодо улыбаясь: "Пребывание в физическом теле может иметь также и менее приятные стороны!" После этого мы приступили к работе. Он сообщил мне, что он нашел ответ на свои насущные вопросы.

"После операции, - сказал он, - передо мной раскрылся занавес. Ты должен мне помочь написать книгу". И в следующие часы он набросал содержание задуманной книги. В существенном речь шла о следующем: если антропософское движение в духовном отношении хочет прийти к единству, то следует работать над тем, чтобы возникло понимание специфических духовных задач различных дочерних движений, институтов и личностей. Внутренние трения и тому подобное закончатся только тогда, когда придет взаимное искренне ощущаемое восхищение работой других, потому что различные мнения ни в коем случае не должны создавать повод к напряженности, более того, должны вести к "социальной гармонии". Истинное понимание вклада других - вот что жило в душе Ливехуда.

Затем он сообщил, что с тридцатых годов он был озабочен вопросом о великих вождях человечества, от которых исходили импульсы борьбы против материализма, и их "методах работы". В свое время он часто беседовал об этом с Итой Вегман, Вальтером Иоханнесом Штайном, Хербертом Ханом и Виллемом Цильмансом. После смерти Цильманса (1961) он ни с кем об этом не говорил, но вопрос продолжал жить в глубине души.

Сначала Бернард Ливехуд хотел наговорить содержание книги на кассеты и передать их мне. Так как сам он больше не мог писать, я должен был сделать из этого пригодный для чтения текст. Однако из-за болезни сделать это в течение лета ему не удалось. Ему просто не хватало сил сконцентрироваться. Когда в октябре его состояние еще более ухудшилось и он с ужасом осознал, что все может остаться просто планами, он позвонил мне снова и предложил другой метод работы: я должен каждый день приходить к нему на полчаса. Благодаря моему присутствию он смог бы найти силы, чтобы выполнить работу.

Так это и произошло. На протяжении чуть менее трех недель я посетил его общим счетом десять раз, пять в первую неделю и в две последующие через день. Во время

первых восьми встреч книга была "рассказана" в целом. Один раз я вынужден был из-за медицинских осложнений уйти ни с чем и один раз мы обсуждали некоторые дополнения. Всегда, когда я входил в его комнату, он лежал в постели, уже полностью готовый к работе, слуховой аппарат в ухе, записная книжка лежит на одеяле. Каждый раз он точно знал, что он намерен делать.

Одна неожиданность сменялась другой. Самая большая состояла в том, что первый день он завершил краткими характеристиками людей, которые по его ощущению внесли вклад в содержание этой книги. Он словно собрал своих друзей, прежде чем начать: Эренфрид Пфайффер, Биллем Цильманс, Ита Вегман, Вальтер Иоханнес Штайн, Евгений Колиско, Мария Решль, Эрнст Лерс, Херберт Хан и Альбрехт Штрохшайн. Я думаю, он и известном смысле рассматривал их как соавторов.

Вторая неожиданность состояла в том, что он рассказывал о всех известных ему инкарнациях трех вождей человечества, о которых идет речь в этой книге.

И, наконец, неожиданность последней главы, которая имеет о многом говорящее название "Стратегия сил противодействия". Стратегия, духовная борьба, поле битвы, силы противодействия - эти понятия задают тон последней главе, как, собственно, и всей книге. По натуре Ливехуд также был борцом, он мыслил в понятиях нападения и ответного хода. Я никогда не забуду парадоксальности этой ситуации: физически Ливехуд был необычайно слаб, однако духовно он стал непобедим. Ничто уже не могло ему помешать. И хотелось надеяться, что нечто от этой духовной неколебимости через его книгу польется в антропософское движение.

В эти последние месяцы у него была только одна цель: завершить эту книгу. "Если она будет готова, - говорил он, - я смогу, прежде чем умру, посвятить себя еще некоторым личным делам. Прежде всего при последних встречах по нему было видно, как жаждет он того момента, когда сможет сказать: она готова. И это действительно удалось. У нас не было больше не то что недели, но даже двух-трех дней. Он становился заметно слабее. И, наконец, он едва мог поднять руку для приветствия. Однако он не позволял себе из-за этого сбиваться. Шаг за шагом, до последней главы работал он над своей книгой, с величайшей серьезностью формулируя каждую деталь.

Бернард Ливехуд осознавал, что "О спасении души" совершенно особая книга. Содержание книги, согласно его замыслу, не должно восприниматься чисто информативно, оно должно прорабатываться отдельными личностями, антропософскими группами и институтами. В нашей последней беседе он сказал, что он страстно надеется, что содержание "будет воспринято антропософским движением не только головой, но также и сердцем". Ему было ясно, что его послание вызовет множество новых вопросов, и прежде всего потому, что содержит элементы, которые в антропософском движении не являются бесспорными. Но для него дело заключалось в том, чтобы пробудить интенсивный поиск. "Если эта книга приведет к бесплодной дискуссии 'про и контра' относительно новых эзотерических познаний, которые в ней представлены, - сказал он, - то она не достигнет своей цели. Я надеюсь, что читатели захотят надолго впустить в свою душу не только данные там ответы, но также и новые вопросы, которые при этом возникают. Суждение, ко-торое выносится слишком быстро, оттого, например, что кому-то не сразу понятно, как новые поз-нания соотносятся с высказанным Рудольфом Штайнером, захлопывает дверь в духовный мир".

Кроме того, он хотел предостеречь от догматизации книги. Прежде всего содержание двух последних глав, в которых речь идет о ближайшем будущем, он рассматривал не как непреложную достоверность, но как возможности развития. "Именно там, где речь, идет о будущем, - сказал он, - необходимо сохранять открытость и непредвзятость духа".

В своем теперешнем виде текст был подготовлен на основе магнитофонных записей рассказов Бернарда Ливехуда. При перенесении я старался, насколько это возможно,

сохранять близость к произнесенному слову. Построение и членение книги задано Бернардом Ливехудом. Название главам дано мной, а также примечания и именной указатель в конце книги.

Под конец еще одно личное замечание. Во время часов, проведенных у постели больного, меня всякий раз поражало, с какой глубокой серьезностью Бернард Ливехуд говорил. Каждое слово приходило из самой глубины его существа. Если эта серьезность пробудится также в читателях, может возникнуть, так я надеюсь, основа для спиритуального взаимодействия не только тех людей, которые живут на Земле, но также и тех, кто находится по ту сторону порога смерти. Бернард Ливехуд умер 12 декабря 1992 года, и хотя он оставил на Земле содержание своего "духовного завета", все же основное настроение он взял с собой в духовный мир. Поэтому книга будет "читаться" не только живущими здесь на Земле, но также умершими и еще не рожденными душами в духовном мире. Она может, по моему мнению, также рассматриваться как "внутренняя мастерская", которая открыта всем душам - нерожденным, живущим или умершим - мастерская, в которой может возникнуть духовное сотрудничество.

Амстердам, январь 93 Йалле ван дер Мейлен

День первый О НЕОБХОДИМОСТИ ЭТОЙ КНИГИ

Дорогие друзья, эта моя публикация будет несколько иного рода, нежели вы привыкли. Причина этого в том, что из-за болезни я не могу больше писать. Поэтому я рассказываю моему другу Йелле ван дер Мейлену то, что имею сказать, он записывает на диктофон и затем делает из этого пригодный к печати текст.

Я хочу обратиться к теме, которая занимает меня вот уже шестьдесят лет, начиная с тридцатых годов. Где-то в конце моего медицинского обучения я часто бывал в Гетеануме, в Дорнахе, в том месте, где Рудольф Штайнер учредил центр антропософского движения, а также в клинике Иты Вегман в Арлесхайме в паре километров отсюда. Я соприкасался там с тем, что может предложить антропософия помимо написанного и печатного слова. В то время из трудов Рудольфа Штайнера было напечатано гораздо меньше, чем сегодня, во всяком случае докладов.

В тридцатые годы в Дорнахе свирепствовали так называемые "споры о бодхисаттве". Адольф Аренсон делал в то время доклады, в которых убеждал членов Антропософского Общества, что Рудольф Штайнер был инкарнацией "Будды-Майтрейи", одного из так называемых двенадцати будд(1). Позже я еще буду говорить об этих духовных существах. В кругах более молодых членов, к которым принадлежал и я, занимались совершенно иными проблемами. Но мы думали, насколько мы вообще этого касались, что взгляд Аренсона не может быть верным.

Мы интенсивно занимались одним высказыванием Рудольфа Штайнера. После того, как он в двадцатые годы некоторое время работал с группой молодых людей, он при прощании сказал им: "Я ожидаю, что и течение этих трех месяцев, пока мы не увидимся снова, вы узнаете, к какому духовному течению вы принадлежите". С этим поручением молодые люди разъехались по домам. Сам я не был при этом, но среди людей, с которыми я в тридцатые годы работал, это высказывание еще жило очень сильно. Мы спрашивали себя, что же имел в виду Рудольф Штайнер в этих словах, а также что, собственно, представляет собой духовное течение.

Мы, таким образом, искали ответ и спрашивали, не имел ли Штайнер внешне в виду конфликт, который после его смерти проявился в Антропософском Обществе(2). Среди членов были известные группировки, которые более тяготели к Ите Вегман, или же более к Альберту Штеффену, или же к Марии Штайнер. Между этими группами часто господствовало многообразное непонимание, что выражалось в столкновении различных мнений. Мы спрашивали себя тогда, не хотел ли Рудольф Штайнер сказать молодым:

исследуйте собственные кармические подосновы, чтобы лучше понимать конфликт в Антропософском Обществе.

Но все же у нас было чувство, что Рудольф Штайнер имел в виду нечто иное. Конфликты в Антропософском Обществе проходили, по нашему мнению, в соответствии с кармой, которая изживалась между упомянутыми группами. Хотя эти группы и имели проблемы между собой, они все же принадлежали к **одному и тому же духовному течению**. Внутри антропософского движения существует множественность форм, проявляется дифференцированность. Но все эти группы - в этом мы, молодые, были убеждены - стоят на почве антропософского движения как такового.

Поэтому мы спрашивали себя, не хотел ли Рудольф Штайнер своим наказом обратить наше внимание на кармическую напряженность между так называемыми платониками и аристотеликами. Об этой напряженности он говорил в докладах, которые прочитал при новом основании Антропософского Общества в 1923 году. Кроме того, мы обдумывали, не указывал ли он тем самым на так называемые **христиански-уставшие и ищущие христианства души**, о которых он также говорил. Это, говоря упрощенно, души, которые устали от христианства, и души, которые его как раз особенно сильно ищут(3). Но обе эти возможности казались нам скорее неправдоподобными. Потому что и здесь речь шла не о кармической напряженности между **различными духовными течениями**, но о напряженности внутри **одного** течения, а именно антропософского.

Что такое духовное течение? Духовное течение имеет дело с развитием человечества как целого. Этим развитием руководят высокие иерархические существа. В дохристианские времена эти божественные сущности полностью держали руководство в своих руках; в христианское время они все больше передают водительство самим людям.

В первую очередь это уже упомянутые бодхисаттвы, чьей задачей является развитие человечества(4). Они приходят из сферы Меркурия и имеют духовный ранг архангелов. Двенадцать бодхисаттв образуют круг, в центре которого стоит Христос, "Тринадцатый". Они появляются один за другим и принимают на себя на срок в 5000 лет водительство развитием человечества. Каждый новый бодхисаттва приносит с собой совершенно новый импульс для человечества.

Бодхисаттва не воплощается как человек, но действует из духовного мира на определенные человеческие индивидуальности. Духовная наука говорит в связи с этим об "инкорпорированности"(4а). Человеческие индивидуальности, которые избираются бодхисаттвами, должны, конеч-но, достичь определенной степени духовной зрелости, чтобы подобная инкорпорированность была возможна. И лишь в конце 5000-летнего периода бодхисаттва один раз воплощается в человеческом теле, чтобы достичь духовного ранга будды.

Бодхисаттва, осуществляющий духовное водительство сегодня, называемый Майтрейя-будда. имеет особую задачу: силой слова пробудить понимание христианства. Предыдущий бодхисаттва, бывший за шестьсот лет до Р. Х. Гаутамой Буддой, имел задачей принести учение о сострадании. Деятельность этого будды была подготовкой к Мистерии Голгофы, когда Христом был принесен импульс любви.

Есть и еще один, совершенно иной круг двенадцати. Этот круг состоит не из духовных, иерархических существ, но из людей. Речь идет о таких человеческих индивидуальностях, которые в своем развитии столь духовно возвысились, что могут в сознании достигать по меньшей мере второй иерархии(5). Они могут входить в контакт с этими космическими иерархиями и совещаться с ними, какие импульсы необходимы для развития человечества. Это великие вожди человечества, **великие посвященные**, как их называют.

У меня и моих антропософских друзей все больше возникало ощущение, что тема духовных течений связана с этими духовными вождями. Рудольф Штайнер при случае говорит в связи с этим о "солнечной ложе" или белой ложе" человечества. И сердцем этого круга как Тринадцатый также является Христос. Сменяя друг друга или действуя в

группе, эти вожди человечества служат развитию человечества. И это теперь наша задача, искать связь с вождями человечества, от которых в наше время исходят важнейшие импульсы. Нам нужно познать, кто они и как они действуют, если мы хотим противостоять тем темным силам, которые, как указывал Рудольф Штайнер, в 2000 году и позже проявятся в полную силу. Кто сегодня смотрит на мир, тот видит, что эти силы уже готовы действовать.

Шестьдесят лет меня занимал вопрос, какую роль играют вожди человечества и как можем мы узнать их деятельность. Члены Антропософского Общества спросили меня как-то однажды: какого рода, в сущности, значение Рудольфа Штайнера для антропософии и какое отношение имеет к этому Христиан Розенкройц? Это стало для меня тогда поводом заняться индивидуальностью, которую мы все знаем в ее воплощении как Рудольфа Штайнера, а также индивидуальностью которая всегда действовала скрытно и на которую эзотерическая наука указывала именем Христиана Розенкройца(6).

Но мои исследования натыкались на внутреннюю стену. Было так, словно духовный мир еще не хотел выдавать действительность, касающуюся отношений между этими двумя вождями человечества.

Особенность этих вождей человечества заключается в том, что они суть нормальные люди. Они должны быть не только рождены, но также должны учиться говорить, получать образование и тому подобное, поскольку все, что они имеют принести, они должны облечь в соответствующее своему времени одеяние. Они всегда должны быть "дома" в культуре, внутри которой они действуют. Это значит, что следующие одна за другой инкарнации этих вождей могут подчас быть совершенно отличны друг от друга. В одной культуре их деятельность имеет совершенно иной характер, нежели в другой.

Почему нам непременно нужно знать об этих вождях человечества? И почему мы, обращая взор на самих себя, должны быть в состоянии определить, на кого из этих вождей мы главным образом ориентированы или с кем мы кармически связаны? А также, имеет ли это значение при решении вступить в соответствующую инкарнацию? Или же мы связаны через все инкарнации с **одними и тем же** определенным вождем человечества? Это все открытые вопросы! Но одно несомненно: познание собственного духовного течения очень важно для нахождения "красной нити" личного хода жизни. Речь при этом идет о познании глубочайшей цели нашей инкарнации. Если задача, которую имеет человек в этой жизни, спиритуального рода, то должна быть связь с определенным духовным течением.

После смерти Виллема Цильманса ван Эммиховена в 1961 году мне пришлось жить, занимаясь этими проблемами в одиночестве. Тема приходила все снова и снова, но всегда возникали препятствия, и в результате мне не удавалось пробиться к действительному познанию в этих вопросах. Правда, мне всегда было ясно, что термином "духовное течение" Рудольф Штайнер указывал на течения, которые имеют дело с развитием **всего** человечества, а не определенных групп или культурных периодов.

Прежде чем приступить к рассмотрению духовных течений, я должен сначала коснуться другого момента. Когда я в тридцатые годы приехал в Дорнах и очень скоро стал членом правления Антропософского Общества в Нидерландах, среди людей, с которыми я был связан, очень часто заходила речь о кармических вопросах. Силам противодействия тогда удалось сделать почти невозможное внутри Антропософского Общества. Из-за споров, которые в 1935 году привели к расколу Общества, слово "карма" стало почти запретным. И до сих пор в антропософском движении не принято часто говорить о карме и реинкарнации.

Но когда человек хочет прийти к познаниям относительно духовных течений, которые имел в виду Рудольф Штайнер, откровенно говорить о карме и реинкарнации необходимо. Теперь, подойдя к концу своей жизни, я набрался мужества и решился поделиться с вами некоторыми своими исследованиями относительно кармических основ этих трех великих

духовных течений. Я рассматриваю эту книгу как духовное завещание И посвящаю ее всем антропософам, обращающим к жизни свои устремления и поиски.

Тем, что я расскажу в последующие дни, я обязан ряду старейших членов Общества. Я вел с ними долгие беседы, и при этом часто слышал замечания, которые Рудольф Штайнер делал в личных беседах. Многие из того, что я скажу в последующие дни, базируется на этих сообщениях. Я сознаю, что многое из этого не может быть подтверждено документами. Но это ничего не меняет. Многие будут утеряно, если я это не выскажу.

Я охотно называю имена людей, бывших моими важнейшими собеседниками. Прежде всего это Эренфрид Пфайффер. Многие из вас знают, что это он развил так называемый метод кристаллизации(7). Помимо этого, он поставил себе задачу научно обосновать биолого-динамический метод сельского хозяйства. В тридцатые годы он трижды в год приезжал на Ловерендале, биолого-динамическое предприятие в Цееланде, с которым он был связан. На обратном пути он заезжал в Цейст и останавливался у меня на ночь. У него был "ситроен" с передним приводом, что было тогда чем-то необычным. - Я использовал эту возможность задать Пфайфферу, который тесно сотрудничал с Рудольфом Штайнером, множество вопросов. Он всегда с готовностью отвечал. Пфайффер был еще студентом, когда он встретил Рудольфа Штайнера и стал как бы его приемным сыном. Штайнер руководил его учебой, и в начале каждого семестра Пфайффер должен был приносить ему перечень курсов и лекций, чтобы обсудить, какие следует выбрать. Штайнер говорил тогда: запишись на те или иные лекции, пройди ту или иную практику и так далее. И в конце каждого семестра Пфайффер должен был приходиться к нему- и докладывать обо всем, чему он научился.

Кроме этого, Пфайффер часто ездил со Штайнером, когда тот избирал для поездок автомобиль. Например, Пфайффер вел долгие беседы с Рудольфом Штайнером между Штуттгартом и Дорнахом. И при этом тот высказывался о вещах, которыми больше ни с кем не мог поделиться. Многие из этого Пфайффер пересказал мне. Так, например, существует следующая история, которая мне лично очень помогла в те драматические годы раскола в Обществе.

Однажды вечером Пфайффер прибыл к нам, чтобы прочитать доклад о первом Гетеануме для сотрудников нашего лечебнопедагогического института Цоннехуиз. Он делал это особенно интимным образом. - Затем мы еще посидели вместе, и я спросил его: именем неба, как же это можно, что люди из окружения Рудольфа Штайнера, которые столь умны и даже поистине милые люди, имеют столько проблем друг с другом? Они позволили всему зайти настолько далеко, что не могут и уже не смогут вместе работать!

Пфайффер взглянул на меня и сказал: я спросил однажды Рудольфа Штайнера, в чем причина проблем, которые в тот период трехчленности возникли в связи с инициативой "Грядущий день"(8). Рудольф Штайнер скачал тогда: "Ты должен понять, что многие наши друзья проходят промежуточную инкарнацию, в которой будет ускоренно погашена старая и негативная карма, так что к своей следующей инкарнации, когда это действительно будет важно, они избавятся от этой плохой кармы. Поэтому, - сказал Штайнер, - мы должны вынести и выстрадать все промахи.

Этот образ мне необычайно помог. Я увидел многих пионеров антропософского движения другими глазами.

О Виллеме Цильмансе ван Эммиховене я сейчас скажу немного. Я упоминал о нем в различных публикациях, и прежде всего в книге "Сквозь игольное ушко". Я рассматриваю Цильманса как одного из немногих истинных оккультистов в антропософском движении. У него были собственные духовные переживания, которые он контролировал и которые для него основывались на истине. Иногда в беседах он говорил об этом. Когда он затем высказывал что-то из своих духовных познаний, он предвещал это так: Обдумай, что я

тебе скажу, не принимай просто на веру! Возьми это как рабочую гипотезу; поживи с этим какое-то время и посмотри, окажется это для тебя плодотворным или нет. " Он не стремился никому ничего навязывать, он позволял людям оставаться свободными.

Жизнь и работу Иты Вегман я тоже не буду сейчас затрагивать. В последующие дни я еще подробно и обстоятельно обращусь к ней, поскольку ее судьба тесно связана с судьбой Рудольфа Штайнера. Кто читал "Сквозь игольное ушко", тот знает, что она очень важна и для моего духовного развития. Она поддерживала меня при распространении лечебной педагогики в Нидерландах.

Затем Вальтер Иоханнес Штайн. Это была очень своеобразная персона. Математик, он был призван Рудольфом Штайнером в первую Вальдорфскую школу и преподавал там историю. У него всегда была при себе записная книжка, которую он держал наготове, когда сопровождал Рудольфа Штайнера. Он задавал Рудольфу Штайнеру вопрос за вопросом и записывал его ответы. Так он делал на пути к автомобилю, по дороге на доклад, просто повсюду. Штайнер всегда давал ему ответ, подчас с долей юмора, но обычно очень серьезно и конкретно.

Вальтер Иоханнес Штайн имел феноменальную память, и в беседах, которые я во множестве с ним имел, он рассказал мне многое из того, что сообщил ему Рудольф Штайнер.

На публичных докладах, касаясь эзотерических тем, Штайн часто воодушевлялся настолько, что едва ли не преступал границы приемлемого. Но его энтузиазм был такого рода, что я имел ощущение: духовный мир прощает ему это. Встреча со Штайном, наедине или в небольшом кругу, всегда была щедрым подарком. Штайн написал также важную книгу о Граале, в котором он обстоятельно рассматривает "**Парсифаля**" Вольфрама фон Эшенбаха. (9)

Врач Евген Колиско был совершенно иной личностью. Это был истинный венец, до мозга костей. Видя его говорящим для какой-то группы, голова набок, руки чертят в воздухе, можно было заметить, что он живет в эфирном мире. Он интенсивно связал себя с сущностью семи металлов, и когда я тоже заинтересовался металлами, то старался побольше от него об этом узнать.

Мария Решль также приехала из Вены, но по рождению она была тюлька. Она изучала древние языки и Рудольф Штайнер пригласил ее преподавать эти предметы в Вальдорфской школе. Она была всецело ориентирована на душу, на внутренний мир. Она была очень близорука и носила слабые очки. Когда я спросил ее, почему она не заведет очки посильнее, она сказала: "Я не хочу видеть мир так отчетливо, выражения лиц людей мешают мне!" На ее примере можно было видеть, чего способен достичь всякий человек на внутреннем пути. Своей способностью проникновения в души она сослужила добрую службу очень многим людям.

Ее муж, Эрнст Лерс, также был моим собеседником. Это был человек, который много говорил и много знал. Очень заслуживающий любви человек, с которым я однажды в течение четырнадцати дней проработывал "**Сельскохозяйственным курсом**"(9а) Рудольфа Штайнера.

В моей жизни было три "духовных исполина": Биллем Цильманс ван Эммиховен, Эренфрнд Пфайффер и Херберт Хан. Первый имел большое значение для моего духовного развития, второй способствовал моему осознанию космической задачи современного розенкрейцества, третий, Херберт Хан, сыграл большую роль в развитии моей душевной жизни. Он научил меня, как через чувство, на пути **вживания** прийти к познанию того, что есть человек, звери, растения и минералы. О нем я могу еще нечто сказать.

Хан был самым своеобразным человеком, какого я встречал в своей жизни. Он родился в Эстонии, его родители немецкие эмигранты. Он изучал германистику в Берлине. Во время первой мировой войны служил переводчиком в лагере для русских военнопленных. Кроме того, он был цензором: он должен был читать письма, которые пленные получали

или отсылали. В некоторых из этих писем встречались выписки из докладов Рудольфа Штайнера. И когда закончилась война, Хан отправился в Дорнах, чтобы встретиться с Рудольфом Штайнером. Вскоре после этого Рудольф Штайнер пригласил его учителем в первую Свободную Вальдорфскую школу в Штутгарте.

Херберт Хан был гением языка. Он свободно говорил на шести или семи языках и мог читать еще на нескольких. Когда он позже приехал в Голландию и жил там, уже через шесть недель после своего прибытия он читал открытый доклад в Роттердаме по-голландски!

Хан был во многих смыслах человеком сердца". Он интересовался индивидуальным человеком. Когда после смерти Рудольфа Штайнера начались проблемы внутри Общества и все члены, кто не был страстным приверженцем Марии Штайнер, должны были покинуть школу в Штутгарте, он переехал в Нидерланды. Он был здесь учителем немецкого языка и истории.

Во время кремации моей первой жены Хан сказал речь, в которой он описал ее существо. Это привело к искренней дружбе и, в свою очередь, как следствие, к тому, что Херберт Хан оказался в мансарде моего дома в Цейсте. Каждое воскресное утро я заходил к нему и слушал его рассказы о встречах и беседах с Рудольфом Штайнером. Из его рассказов вставал совершенно иной облик Рудольфа Штайнера, чем у других антропософов. Он рисовал образ **человека** Рудольфа Штайнера. Он описывал всевозможные детали, с большим теплом и наблюдательностью. Когда я затем возвращался, у меня было чувство, словно там присутствовал сам Рудольф Штайнер.

Нужно лишь раз открыть его главную книгу, "**О гении Европы**", чтобы заметить, с какой великой, почти религиозной самоотверженностью он мог наблюдать ландшафт, дерево, уличную сцену. - Хан был человеком с большой любовью к "нормальным" вещам жизни. В этих нормальных вещах он всегда видел нечто особенное, и свое удивление этим он всегда стремился разделить с другими. Во время прогулки Херберт Хан показывал вещи: цветок, камень, животное. Он учил нас, как нужно наблюдать олеандр, кипарис, розмариновый куст. Он был истинным человеком души: он учил меня воспринимать не только мышлением, но также чувством. Он давал понять, что чувство это важнейший учитель. Он был тем, кто стремился во всех отношениях к **спасению души**.

День второй ТРИ ДУХОВНЫХ ТЕЧЕНИЯ

Я надеюсь, что вчера не уморил вас, дорогие друзья, своими историями о времени, которое между тем уже давно прошло. Я все же нахожу необходимым со вниманием отнестись к этому, чтобы было ясно, что содержание этой книги имеет длинную предысторию и тесно связано с развитием антропософии.

Сегодня я хотел бы сделать первый набросок трех духовных течений, которые стоят в центре этой книги. Первое духовное течение это сама антропософия. В "антропософских тезисах", которые Рудольф Штайнер писал в последние годы своей жизни и каждую неделю печатал в еженедельнике **Das Goetheanum**, он формулирует цель антропософии следующим образом: **"антропософия это путь познания, который хочет духовное в человеке привести к духовному во Вселенной"**(10). То есть в антропософии речь идет о пути познания! Как известно, именно Рудольф Штайнер инаугурировал антропософию. В нем мы можем видеть вождя человечества, человеческого посвященного, который имел задачу сделать познание духовной действительности доступным западному мышлению. Можно сказать: он так соединил себя с формами мышления, которые свойственны сегодняшней культуре, что смог переплавить их в понятия, посредством которых духовный мир стал доступен мыслящему познанию.

Если хотят понять развитие антропософии и ее основы, то необходимо углубиться в судьбу Рудольфа Штайнера, и не только в его воплощение как Рудольф Штайнер, но

также в его предыдущие инкарнации. Мы знаем эти предшествующие инкарнации потому, что он говорил об этом с Итой Вегман. В 1976 году для членов Антропософского Общества была издана книга, в которой передано то, что он рассказал Ите Вегман. (11)

Первая инкарнация Рудольфа Штайнера последовала в относительно поздний момент развития человечества, примерно в трехтысячном году до Р. Х. Она описана в так называемом "Эпосе о Гильгамеше" (я каждому рекомендую его прочитать). В этом эпосе рассказывается о встрече двух душ: самого Гильгамеша, о котором Рудольф Штайнер в одном из докладов недвусмысленно сказал, что он был старой душой" - это значит, что он к тому времени уже имел несколько инкарнаций - и Энкиду, очень юной души, которая тогда воплотилась впервые(12). Для Гильгамеша, древней души, характерным является то, что его воля уже получила сильное развитие. Гильгамеш является также образом властителя. В эпосе он обозначен как узурпатор". Сообщается, что он сам себя назначил правителем Урука в Вавилонии.

Этот Гильгамеш встречает Энкиду (в ранних изданиях он называется также Эбани). Он описывается как еще совершенно неземное существо, как человек, который еще всецело живет в космической действительности. Этот Энкиду является первой инкарнацией Рудольфа Штайнера. Он живет среди зверей и не имеет еще земного опыта. И только эротическим искушением жрицы целительницы Иштар пробуждаются в Энкиду первые астральные ощущения. В нем пробуждаются эмоции и чувства, и это делает его человеком. Это имеет, наряду с другими, то следствие, что животные от него отворачиваются. Когда он встречает Гильгамеша, между ними возникает глубокая дружба.

Дальше в эпосе рассказывается, как оба друга вместе борются против великого черного мага Хуавы и против "небесного быка". После боя с быком Энкиду умирает и Гильгамеш остается один. Он отправляется на поиски вечной жизни. Он очень тяжело переживает смерть Энкиду и сам ищет той же участи.

На дальнем Западе, в современном Бургенланде, находит он мистериальный центр, которым руководил Утнапишти. Этот высокий посвященный проводит Гильгамеша через ряд испытаний, в которых он соединяется с вечной жизнью. Этот Утнапишти в Библии носит имя Ноя и является инкарнацией Ману. Об этом Ману я еще буду говорить в дальнейшем.

В докладах, которые Рудольф Штайнер сделал во время **Рождественского Собрания 1923 года**, на котором Антропософское Общество приобрело совершенно новый характер, он описывает, как эти две души, Гильгамеш и Энкиду, в последующих инкарнациях всегда снова находят друг друга и проживают совместную судьбу. Я буду говорить об этом еще подробнее. Однако из этого ряда инкарнаций становится также ясно, что они всегда дополняют друг друга, поскольку являются противоположными натурами. Что не может один, то под силу другому, и наоборот. Также и в сегодняшнее время или в близком будущем Рудольф Штайнер будет воплощен вместе со своей "сестринской душой", чтобы завершить труд, который он предпринял в начале этого столетия.

В дохристианские времена познания о духовном космосе сообщались в мистериальных центрах. Все мистерии были тогда мистериями мудрости. Речь шла о небольшом числе людей, шедших особым путем, чтобы достичь этой мудрости, этого познания духовного мира. И **Михаил** был тем, кто как центральный солнечный дух представлял космический разум(13). Как "управляющий" космическим разумом, он помогал человеку достичь этого познания. Он был тем, кто инспирировал людей, кто "внушал" им познания, которые были необходимы в данный момент. Вы наверняка, мои читатели, знаете - Рудольф Штайнер часто указывал на это - что Михаил отстранился. Он передал развитие разумности людям.

Поэтому космический разум стал человеческим разумом. Эта разумность должна быть так развита и употреблена, чтобы мудрость в очеловеченной форме могла быть возвращена Михаилу. Такова ключевая мысль "школы Михаила", которая в земном смысле была основана во время уже упомянутого Рождественского Собрания 1923

года(14). Тем, что мы силой нашей внутренней активности преобразуем нечто, что было нам даровано как космическая мудрость - например, когда произносим изречения и тексты в рамках школы Михаила - мы возвращаем мудрость Михаилу, однако теперь в человеческой индивидуализированной форме. И лишь благодаря этому внутреннему деянию, благодаря преобразованию космического познания в человеческое познание мудрость Михаила может получить действительное значение для будущего. При этом речь идет о пути, которым может идти каждый - каждый своим совершенно индивидуальным образом.

С этим возвращением дарованного связан дальнейший аспект, который также должен быть затронут. В так называемом "изречении Камня Основы"(15), которое Рудольф Штайнер произнес во время Рождественского Собрания 1923 года, есть следующие строки:

Ибо правят Духа мировые мысли
В существе мира моля о свете...

Это типично аристотелевская мысль! Дух содержится в действительности, а не за или над ней, как думает Платон. Дух сокрыт в действительности и стремится к свету. И задача человека соединить себя с действительностью так, чтобы этот скрытый в материи дух был очеловечен, освобожден.

Это духовное течение, течение антропософии и Рудольфа Штайнера, играет очень важную роль в развитии человечества. Однако в сравнении с другими течениями оно еще молодо! И оно могло принять свой сегодняшний облик лишь после того, как были выполнены два условия:

Во-первых, должна была закончиться так называемая Кали-юга, "темное время", которое длилось с 3101г. до Р. Х. по 1899г. В ходе этого периода времени для человека все больше закрывался духовный мир. В силу этого он развил самостоятельную внутреннюю душевную жизнь. Лишь после Кали-юги стал снова возможен этот путь к божественным иерархиям.

Во-вторых, нужен был посвященный, который смог бы космическую мудрость облечь в земные формы и земной язык. Михаил не говорит по-немецки! И именно это сделал Рудольф Штайнер: он так соединил себя с Землей и земными понятиями, с земным языком, искусством, социальными отношениями и тому подобным, что он смог преобразовать михаэлическую мудрость в антропософию, в земную, человеческую мудрость.

Что является великой задачей антропософии? Скрытый в материи дух томится об освобождении через познание человеком. Таким образом, в антропософии речь идет о "познании" в смысле сущности материи, природы, космоса, человека. Это было миссией Рудольфа Штайнера. Поэтому и школа Михаила в целом принадлежит течению антропософии. Внешне этот импульс выражается во всем, что связано с образованием, курсами, рабочими и учебными группами и тому подобным.

Почти все люди, которые чувствуют себя привлеченными антропософией, приходят и соприкосновение с ней через это течение. Однако у многих из них рано или поздно пробуждается ощущение, что они ищут еще нечто иное, не только познание. Что прежде всего бросается в глаза, это что встречаются люди, которые хотят что-то делать практически. Это люди, которые хотят изменять мир своими руками, они стремятся облагородить мир, сделать его произведением искусства. Рудольф Штайнер однажды сказал, что это задача розенкрейцеровского течения, преобразовать Землю в произведение искусства, так, чтобы это могло стать зерном будущего воплощения нашей планеты, так называемой фазы Юпитера. Все, что не преобразовано человеком, будет затем отброшено и не сможет перейти с нами в следующую фазу. (16)

Второе духовное течение своим названием указывает на **Христиана Розенкройца**, индивидуальность, которая под этим именем была известна в одном из своих предыдущих воплощений. Этот Христиан Розенкройц имеет гораздо более длительную предысторию, нежели Рудольф Штайнер. Его важной дохристианской инкарнацией был Хирам Абиф, строитель храма Соломона(17). Соломон был человеком, обладавшим глубоким космическим знанием. Ему была известна космическая мера храма, однако он не мог сказать, насколько толстой должна быть балка, чтобы не обрушилась крыша. Для этого ему был нужен строитель, который мог иметь дело с Землей. Соломон как потомок Авеля нуждался в ком-нибудь из потомков Каина.

Хирам высказывает это в так называемой храмовой легенде, важном розенкрейцерском тексте. Его пра-предок был Тувал-Каин, основатель кузнечного и строительного искусств. Так что можно сказать, что розенкрейцерское течение является чисто солнечным течением, носители которого каиниты. **Каин** означает: "тот, который это может". То есть не тот, кто знает, но тот, кто может. Там, где выступает эта индивидуальность, мы всегда видим, что она ставит себе целью, облагораживание Земли. Это начинается с обработки почвы. Каин был первым, кто начал пахать землю, чтобы возделывать ее, открыть, дабы ее могли пронизывать дарующие жизнь силы Солнца. Он тот, кто как кузнец преобразует сырое железо в инструмент. Это задача розенкрейцера: облагораживание субстанции.

В ходе развития человечества это выражалось в различных формах. В средние века это была алхимия, обхождение с четырьмя элементами, земли, воды, воздуха и огня, и поиски квинтэссенции, пятого элемента: жизненной силы. Возвращение земной субстанции в сферу жизни - в этом ядро алхимии.

Такая деятельность возможна только тогда, когда она совпадает с глубоко проникающими внутренними процессами развития, то есть, если образуются моральные силы. Современные розенкрейцеры это люди, которые выполняют эту работу в современном смысле. Здесь я думаю, например, о фармацевтах в антропософской медицине, которые производят лечебные средства "алхимическим путем". Наблюдая, как эти средства производятся, можно сказать: это чистая алхимия!

Но я думаю также и о тех, кто посвятил себя биолого-динамическому сельскому хозяйству, они привносят в компостные кучи препараты, имеющие космическое действие, которые земную субстанцию снова ведут в космос. В компостных кучах Дух освобождается от своей связанности с Землей! Да, это поистине так! Однако я думаю также и о художниках, которые из комка материи создают скульптуру, в которой расцветает красота.

Так можно видеть, как современный розенкрейцер из груды материи создает пластику, а другой из той же материи берет только маленькую толику субстанции и изготавливает лекарства. Так в наших кругах мы постоянно видим людей, которые имеют глубокую кармическую волю идти этим путем. Рудольф Штайнер инаугурировал биолого-динамическое сельское хозяйство, он мог представить, как протекают алхимические процессы при приготовлении препаратов, однако он сам никогда не крестьянствовал, потому что его задачей было принести познание. И всегда он вынужден был ждать, найдутся ли люди, которые займутся конкретно этой работой.

Деятельность Христиана Розенкройца проходит через все времена, от Каина до перехода в фазу Юпитера. Руководимое им духовное течение действительно является очень мощным и всеобъемлющим. Есть люди, которые настолько глубоко и экзистенциально связаны с этим течением, что посвящают этому всю жизнь.

Когда мне это постепенно стало ясно, я подумал: здесь речь идет, без сомнения, о полярности. С одной стороны, мы имеем антропософию как путь познания. С другой стороны, конкретную деятельность розенкрейцеров. И я подумал: должна быть также середина, течение, которое привносит равновесие в эту полярность. Это третье течение, так говорил я себе тогда, должно быть течением, связанным с душой, лучше сказать: со спасением души.

Познание связано с Духом. Дух человека, происходящий из вечности, недоступен силам зла. Он обладает таким высоким духовным качеством, что темные силы не могут его повредить. Однако силы противодействия могут угрожать и даже основательно навредить человеческой душе, которая находится между духом и материей и в которой, собственно, и разыгрываются процессы развития. Без души человек не способен набираться опыта и идти дальше. Таким образом, я думал: должно быть течение, областью действия которого является спасение человеческой души.

Меня долго занимал этот вопрос: о каком духовном течении здесь речь? Однажды я проснулся и сказал сам себе: как это возможно, что ты так долго остаешься слеп?

Древнейшим вождем человечества является Ману(18). С лемурийских времен он принимал участие во всем, что происходило с человеческой душой. В атлантическое время им были основаны центральные солнечные мистерии. Заратустра и Гермес - его ученики. Ману был также тем, кто в начале послеплатонического времени собрал вокруг себя людей, уже развивших начала "Я" сознания. И с этими людьми он идет на восток, чтобы там основать индийскую культуру. Мне не нужно здесь распространяться об этом дальше. Рудольф Штайнер сам об этом часто говорил. Под руководством Ману из древнеиндийской культуры вышли затем все культуры, которые в итоге привели к сегодняшней западной культуре, то есть древнеперсидская, египетско-вавилонская и греческая культуры.

Этот Ману образует середину! Его задача - развитие человеческой души. Так как в этом суть следующих друг за другом культур: становление самостоятельной души, сначала души ощущающей, затем души рассудочной или души характера, затем души сознательной.

Ману, который привел народы из Атлантиды на Восток, всегда был называем божественный Ману". Тогда что же, он был вовсе и не человек, и, таким образом, также не человеческий вождь в том смысле, как мы определили в предыдущей главе? По моему мнению, он непременно был человеком, величайшим из всех, кто когда-либо жил. Однако во времена до Рождения Христа - а возможно, также и после этого - он делал себя проницаемым для высоких божественно-иерархических существ, которые тогда могли через него действовать. И Рудольф Штайнер сказал однажды (в одном раннем докладе об Атлантиде), что божественный Ману когда-нибудь станет человеческим Ману. В сегодняшнее время, сказал он, мы в своем развитии продвинулись уже так далеко, что этот человеческий Ману может открыться(19).

Я ломал голову над этим пунктом на протяжении сорока-пятидесяти лет. Я спрашивал себя, что это значит, что божественный Ману станет человеческим Ману? Позже я хочу вернуться к этому.

Лишь после своей последней операции я понял, что три течения действуют, в сущности, всегда вместе - по меньшей мере, так должно быть. Тем не менее, всегда определенный акцент лежит на антропософии, на розенкрейцерстве или на течении Ману. И это важно, самому знать, к какому течению преимущественно принадлежишь. Но одновременно нужно себя так реализовывать, чтобы эти три течения присутствовали друг в друге. Если вы точнее исследуете эти течения, вы увидите, что они в ходе истории всегда протягивают друг другу руку и дополняют друг друга.

В следующих главах я рассмотрю каждое из трех течений в отдельности.

День третий РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР - НЕСУЩИЙ ПОЗНАНИЕ

Теперь мы стоим перед задачей исследовать совместно тайны инкарнации трех великих вождей человечества, Рудольфа Штайнера, Христиана Розенкройца и Ману.

Во время Рождественского Собрания 1923 года, этого важного события в развитии

антропософии, Рудольф Штайнер читал по вечерам цикл докладов "**История мира в антропософском освещении**" (20). Присутствующие члены ожидали, что Рудольф Штайнер будет говорить об истории в обычном смысле слова. Но оказалось иначе. Вместо этого он осветил ряд инкарнаций двух индивидуальностей, которые всегда воплощались вместе и которых мы называем "сестринскими душами".

Некоторые члены вскоре заметили, что Рудольф Штайнер говорит о своем собственном прошлом. Нет, не так, чтобы он это прямо высказал в этих докладах. Напротив, его собственное имя в докладах не было названо. Однако много позже в наследии Иты Вегман были обнаружены рукописные тексты Рудольфа Штайнера, из которых ясно, что тогдашняя догадка некоторых членов была правильной. Эти тексты опубликованы в упоминавшейся вчера книге Эриха и Маргариты Кирхнер-Бокхольт.

Прежде, чем я назову и рассмотрю соответствующие инкарнации, я хочу сначала сказать нечто о некоторых известных проблемах, которые все снова и снова всплывают во всех инкарнациях. Они тянутся словно красная нить через судьбу Рудольфа Штайнера. Прежде всего это напряженность, которая проистекает из полярности этих сестринских душ. Речь идет о двух индивидуальностях с совершенно различной духовной основой и натурой. Здесь мы имеем дело с первой тайной: почему эти две личности воплощаются всегда вместе? Постоянный поиск плодотворного взаимодействия является важным признаком, который все снова и снова проявляется в череде инкарнаций.

Другая проблема связана с тем фактом, что все без исключения жизненные перипетии разыгрываются совершенно открыто, при полном свете общественности. Обе индивидуальности всегда оставляли в истории свои великие имена.

Третий аспект касается более интимной области: каждое из этих воплощений обнаруживает след печали - все инкарнации имеют трагический характер. Почему это так? Это открытый вопрос.

Тому, кто сейчас, прочитав это, хотел бы ближе заняться этой темой, лучше всего сначала изучить упомянутые доклады Рудольфа Штайнера, сделанные во время Рождественского Собрания. Это освободит меня от обязанности подробно пересказывать содержание данных докладов, так как в силу моего теперешнего состояния я должен ограничиться только главной линией. Таким образом, я заранее полагаю известными факты и взгляды, которые Рудольф Штайнер там излагает, и разрешаю себе их свободное рассмотрение.

Первая инкарнация Рудольфа Штайнера последовала относительно поздно в истории человечества, а именно, примерно за 3000 лет до Р. Х. в тогдашнем Вавилоне. Эта инкарнация подействовала как взрыв исторической бомбы и принесла первый героический эпос человечества, эпос о Гильгамеше.

Эпос о Гильгамеше начинается с описания героя Гильгамеша. Как я уже вчера сказал, он проявляет себя как "старая душа", имеющая позади много воплощений. Это выражается в его большом жизненном опыте и в сильном развитии его воли. Гильгамеш был могучим властителем Урука, города-государства в Междуречье. В этой своей функции он вступает в конфликт с верховной жрицей богини города Иштар, (21) которой в Уруке был посвящен мистериальный центр. Дальше описывается, как охотники обнаружили в лесу человека, жившего среди зверей и столь же сильного, как и Гильгамеш, однако не знавшего никакого культурного развития. Это дитя природы привели в Урук с надеждой, что он сможет укротить силу Гильгамеша.

Этот Энкиду, юная душа", еще не имеющая земного опыта и живущая всецело по космическим законам, является первой инкарнацией Рудольфа Штайнера. В своей первой жизненной фазе Энкиду полностью пребывает в эфирном мире. Он еще целиком связан с жизненными силами природы и у него еще нет сознания самого себя. Вторая фаза начинается, когда его соблазняет храмовая танцовщица святилища Иштар, и таким образом пробуждает его астральное тело. Энкиду познает астральный мир и поэтому теряет контакт с силами природы. Теперь он встречает Гильгамеша. Это первая земная

встреча двух сестринских душ. Из уже упоминавшейся книги Маргариты и Эриха Кирхнер-Бокхольт ясно, кто этот Гильгамеш: это индивидуальность, которую мы знаем как Ита Вегман.

Встреча Энкиду с Гильгамешем имеет характер меряния силами, испытания мощи. Когда эта борьба остается неразрешенной, между обоими возникает глубокая дружба.

Вместе они идут сражаться против небесного быка и против Хуавы, демона черной магии, который гоняется за всеми со своей дубиной и оставляет после себя следы опустошения. Этот демон, считавшийся непобедимым, был ими побежден.

Уже здесь видимы два важных мотива в судьбе Рудольфа Штайнера. С одной стороны, конфронтация со злом, борьба с силами тьмы. С другой стороны, эта индивидуальность вступает в соприкосновение со сложившейся к данному времени мистериальной ситуацией. В данном случае это мистерии Иштар, богини любви. Во времена Гильгамеша и Энкиду мистерии уже начали вырождаются. В обоих направлениях, зла и мистерий, индивидуальность Энкиду-Штайнер оказывает очищающее воздействие. **Очищенные** - ключевое слово для понимания судьбы Рудольфа Штайнера.

Драматический момент в жизни обоих друзей - смерть Энкиду. Когда Энкиду умирает, Гильгамеш предается поискам ответа на вопрос: что такое смерть? Он предпринимает долгие странствия, чтобы найти вечную жизнь. В завершение он достигает Ут-напишти, который является инкарнацией Ману. Тот подвергает его ряду посвященных испытаний. В эпосе, а также и в упомянутом докладе Рудольфа Штайнера описывается, как эти испытания частично не удалась. Также и здесь трагический конец.

Следующая инкарнация Рудольфа Штайнера происходит в совершенно другой культуре, в греческой, в непосредственной близости от Эфесских мистерий. Речь идет о совершенно другом времени и совершенно других мистериях.

В своем последнем большом цикле докладов для членов Антропософского Общества, которые Рудольф Штайнер читал в 1924 году в Англии и которые напечатаны под названием "**Сознание посвящения**", он описывает, что происходило в этих мистериальных местах(22). Он описывает там учителя, который со своим учеником (нередко ученицей) выходит на лоно природы. Они исследуют определенные растения, при этом один концентрируется на образе растения, другой на процессе сокодвижения. Затем они идут спать, и на следующий день сообщают друг другу свои ночные переживания. Так они достигают целостного образа растения. Различные восприятия, растительной формы и потоков соков, сливаются в ночных переживаниях и создают общий образ. На основе этого совместно созданного образа можно затем определить исцеляющее действие растения.

Описание взаимодействия этих двух личностей создает очень интимное впечатление. Учитель, которого описывает здесь Рудольф Штайнер, это **Кратил**. Об этом Кратиле исторически известно очень мало. Аристотель называет его учеником Гераклита. Он известен прежде всего благодаря обстоятельному диалогу Платона под названием "Кратил"(23). Этот Кратил был инкарнацией Рудольфа Штайнера, а его ученица - Рудольф Штайнер называет ее "Миза" - была инкарнацией Иты Вегман. В своих докладах Рудольф Штайнер не говорит об этом напрямую, однако в личных письмах он высказывался об этом совершенно однозначно(24).

Судьба распорядилась так, что старый Кратил был в Эфесе учителем тогда еще очень юного Платона. После обучения в Эфесе Платон возвращается в Афины, где основывает свою знаменитую Академию. Там он развивает свою философию, для которой характерна ориентация на мир идей, духовный мир. Философия Платона, в отличие от философии Аристотеля, не направлена на конкретные проявления земного.

Таким образом, Кратил играет важную роль в развитии философии. Почему должна была возникнуть философия? В последней главе этой книги мы подробно коснемся стратегии сил противодействия. Но уже здесь следует отметить, что одна из этих сил

противодействия (известная в эзотерической литературе под именем "Люцифер") господствовала в греческой культуре. Люцифер хотел, чтобы греческая культура известным образом превратилась в мир прекрасных видений, эстетических иллюзий. Люцифер всегда стремится к тому, чтобы человеческие души потеряли контакт с Землей. Он хочет, чтобы они ушли в прекрасную действительность сна. Это еще и сегодня так.

И чтобы в греческое время создать здоровый противовес этой тенденции Люцифера, благие мировые силы ввели философию. Ряд индивидуальностей решают принести человечеству философию, дабы тем самым настолько укрепить человеческое сознание, чтобы оно стало способным противостоять искушениям Люцифера.

Вскоре после своей смерти Кратил решает инкарнировать вновь, и это **Аристотель**. Аристотель восемнадцать лет был учеником Платона, тогда уже глубокого старца. Судьба приводит Аристотеля к Александру, юному порывистому македонскому наследному принцу, перевоплощению той души, с которой мы познакомились в Эфесе под именем Миза. Также и здесь мы видим, что обе сестринские души интенсивно сотрудничают друг с другом. Аристотель должен наставлять Александра и при этом одновременно немножко держать его в узде. На протяжении семи лет Аристотель был учителем Александра и некоторых его друзей. Вместе посетили они мистерии в Самофракии, где были посвящены в так называемые "Великие мистерии". Эти мистерии давали большой обзор развития Земли и человечества от древнего Сатурна до будущего вулканического воплощения Земли(24а).

Затем наступает момент, когда Александр, восемнадцати лет, становится царем. Аристотель уходит от открытой жизни и становится советником юного царя. Так, он советует ему воздержаться от плана великого похода против персов. Однако Александр воплощает свои планы, что приводит к первому отчуждению между двумя сестринскими душами. Александр старается тем не менее поддерживать связь и посылает Аристотелю всевозможные вещи, которые он собирает во время похода: растения, скелеты животных, окаменелости и тому подобное. Однако нечто неразъясненное остается между ними.

Судьба Аристотеля трагична. Он идет в Афины и основывает там свой Ликей, где другим образом, нежели Платон, образовывает молодежь в философии. Он посвящает там себя познанию природы и человеческого существа - восприятию духа в материи. Где Платон всегда ищет дух **позади** материи, там Аристотель ищет дух **а** материи. Из исходного положения Платона в средние века возникает губительная полярность между духом и телом.

Аристотель не был афинянином. Он был выходцем из диаспоры. Уже и тогда была ненависть к иностранцам, также, как и сегодня. Горожане были против "чужака", который учил молодежь таким своеобразным вещам. Однажды ночью, после того как друзья предостерегли его, он созвал всех своих учеников и передал каждому книги из библиотеки Ликей, сколько было возможно. Ученики решили разойтись по всему свету, чтобы спасти сокровища философского наследия Аристотеля. Они расстались посреди ночи, в надежде, что когда-нибудь в будущем смогут снова собраться вместе. Так был рассеян жизненный труд Аристотеля. Его философские сочинения, его естественнонаучные и прочие сочинения распространяются совершенно различными путями.

На протяжении многих столетий естественнонаучные труды Аристотеля как будто не существуют. Они словно поглощены землей, пока снова не всплывают в подвале монастыря в Сирии и не переводятся на сирийский. В арабском культурном мире эти труды приобретают сильное влияние.

После внезапной смерти Александра в 323 г. до Р. Х. Аристотель также жил недолго. Он возвращается в свой дом на острове, где в сентябре следующего года в одиночестве умирает. Также и здесь видим мы трагедию. Однако мы видим также огромное значение аристотелевского труда: на протяжении многих веков вплоть до сегодняшнего дня его философия оказывает влияние на мышление западного мира.

Александр и Аристотель после своей смерти вместе проходят духовный мир. Они

пребывают в солнечной сфере, когда Христос оставляет эту сферу, чтобы воплотиться на Земле. Из космоса они переживают этот процесс прихода как уход. Затем они принимают решение о новой инкарнации. Аристотель знает, что в будущем он должен будет инкарнировать в то время, которое позже будет названо Средневековьем, чтобы христианизировать общее здание аристотелевской философии. Чтобы быть в состоянии выполнить эту задачу, он должен сначала познать интимность действия Христа в человеческой душе. Ему нужно сначала испытать, что это значит, пережить Христа на Земле.

Для этого он должен был сначала, так сказать, в качестве подготовки инкарнировать в том течении, которое до того было ему совершенно чуждо. Это течение Грааля. Аристотель воплотился как **Шионатуландер**, Александр как Сигуне. Обе личности представлены в "Парсифале" Вольфрама фон Эшенбаха(25).

Шионатуландер вырастает при дворе царевны. Когда она полюбила Гамурета, отца Парсифаля, и вышла за него замуж, она передала ему как дар своего пажа Шионатуландера. Так он попадает ко двору матери Парсифаля, Херцелюде, где он встречает ее кузину Сигуне, которая была примерно одного с ним возраста. Они воспитывались вместе, и в одной книге, которую я вскоре упомяну, рассказывается, как между ними расцветает чудесная, невинная детская любовь. Они дают друг другу клятву, как это обычно делают дети, пожениться, когда вырастут!

Однако затем снова происходит трагедия. В "Парсифале" Вольфрама фон Эшенбаха рассказана только маленькая ее часть. Именно в тот момент, когда Сигуне и Шионатуландер едут к королю Артуру, чтобы испросить его благословения на брак, появляется собака, тянущая за собой длинную ленту, на которой выколоты различные изречения. Сигуне удерживает собаку и начинает читать, что написано на этой ленте. Она замечает, что там упоминается "двенадцать добродетелей". Однако вдруг собака вырывается и убегает. Сигуне просит Шионатуландера поймать собаку и привести обратно. Когда Шионатуландер пускается на поиски собаки, он встречает Орилуса де Лаландера, враждебно к нему расположенного. Орилус убивает ничего не подозревающего Шионатуландера.

Я не могу здесь рассказывать все подробности этой истории. Я рекомендую каждому самому прочитать сказание о Парсифале и Граале, чтобы стали понятны взаимосвязи, в которые включена эта история.

Затем мы видим Сигуне сидящей на краю дороги с убитым любимым на коленях, когда мимо проезжает Парсифаль, который как раз покинул Граальсбург. В "Парсифале" Вольфрама фон Эшенбаха о них сообщается немного. Позднее Вольфрам начал новый эпос "Титурель", в котором намеревался рассказать всю историю Сигуне и Шионатуландера, но этот труд остался незаконченным. Однако пятьдесят лет спустя после того, как Вольфрам фон Эшенбах написал этот фрагмент, Альбрехт фон Шарфенберг подхватывает эту нить и пишет книгу, которая от начала до конца рассказывает о Сигуне и Шионатуландере. Эта книга столь же обширна, как "Парсифаль" Вольфрама, и описывает жизнь Шионатуландера(26). Рассказывается, как он в качестве оруженосца участвует в походе на Восток на стороне Гамурета фон Аншю и в конце концов должен принести Херцелюде известие о его смерти.

Затем Шионатуландер принимает на себя задачу Гамурета и вновь отправляется в арабские страны, где покоряет большую часть Алжира и Марокко. В конце концов ему достается золото **зальдов**, высшее счастье. Он решает вернуться к Сигуне. Золото следует за ним на одном из кораблей его флота. Однако корабль во время бури тонет и золото оказывается утраченным. Все, что от него остается, это кольцо и пряжка, которые Шионатуландер держал отдельно от золотого сокровища, так как они ему очень нравились.

Этими кольцом и пряжкой завладевает герцог Орилус де Лаландер, покоривший в то

время, пока Гамурет был на Востоке, страну Аншю. Затем Орилус дарит драгоценности супруге Ешуте. Это те кольцо и пряжка, которые Парсифаль, как описывает Вольфрам, отнял у Ешуте! Так заканчивается история. - Шионатуландер регулярно появляется при дворе Артура, где его ждет Сигуне. Всякий раз она уговаривает его не вступать больше в борьбу, однако он чувствует внутреннюю обязанность все же делать это.

Здесь мы опять видим один из мотивов, который разыгрывается между обеими сестринскими душами. Мещанский голландский дух торговли создал об этом красивую поговорку "сначала дело, потом девушки. " В спиритуальном смысле это значит: духовные обязанности важнее, чем человеческие связи. Это тот мотив, который всегда разыгрывается между ними. Женской душе трудно это перенести. Для этого нужно иметь действительно большую внутреннюю силу!

Таким образом, обе эти души искали и нашли течение Грааля. Они выросли в течении Грааля, где смогли познать внутреннюю сторону христианства. И этот опыт потребовался индивидуальности Рудольфа Штайнера, чтобы в своей следующей инкарнации как Фома Аквинский выполнить свою миссию: христианизировать Аристотелеву философию(27). Это то, что Фома делает в Париже, он развивает схоластику. Тем самым Фома осуществляет метаморфозу дохристианского аристотелизма в христианский.

Однако настоящий прорыв к духу все еще остается невозможным. Потому что в качестве Фомы Аквинского эта индивидуальность также вынуждена держать себя в границах, поставленных культурным периодом, в котором она живет. В своем воплощении как Фома она вынуждена душу рассудочную развивать до самых внешних границ того, что позволяют ей силы этого культурного периода. В области образования человеческого рассудка невозможно идти дальше Фомы.

Фому всегда сопровождает юный монах **Регинальд фон Пиперно**. Примечательно в этих отношениях было то, что Регинальд, сестринская душа, был не только учеником Фомы, но и его духовником.

Затем в жизни Фомы наступает момент, когда ему было дано внутреннее откровение. Он видит, как его собственное духовное существо может открываться в световой сфере солнечного мира. После этого опыта Фома оставляет открытую жизнь и не говорит больше ни слова. Он молчит. Только Регинальд теперь возле него, ухаживает за ним до его смерти. Лишь в своей инкарнации как Рудольф Штайнер, поскольку теперь закончилась Кали-юга и стало возможно новое откровение, возникла для него ситуация, когда он мог свободно, без помех формулировать свои познания духовного мира. Теперь он выступает как великий учитель, который создает могущественную картину мира антропософии.

Я не могу, да и не нужно здесь подробно освещать жизнь Рудольфа Штайнера(28). Эта жизнь описана многими также и в ее трагических аспектах. В его автобиографии "Мой жизненный путь" можно найти многое, что Рудольф Штайнер сам считал нужным сообщить. Однако книга осталась фрагментом; она заканчивается примерно 1907 годом. Он писал ее на одре болезни и из-за ранней смерти в марте 1925 года не смог закончить. Я ограничусь главной линией этой жизни. Важной приметой этой жизни и труда является элемент **промедления**. В некотором смысле позволительно даже сказать, что только в последней жизненной фазе Рудольф Штайнер смог полностью посвятить себя своей собственной духовной задаче, сплавлению космического михаэлического разума с человеческим разумом. Ибо это то, что содержит слово "антропософия": "антропос" означает "человек" и "софия" означает "мудрость".

Недавно меня спросили, почему Рудольф Штайнер так поздно начал говорить о Михаиле. Этот вопрос очень оправдан и понятен. Рудольф Штайнер говорит, что деятельность Архангела Михаила как Духа Времени началась в 1879 году, тогда как Штайнер лишь под конец своей жизни, с 1918 года во все возрастающей мере говорит о значении Михаила. Наивысший всплеск приходится на 1923 год, в котором Рудольф

Штайнер во время Рождественского Собрания не только основательно реформирует уже существующее Антропософское Общество, но и основывает эзотерическую школу Михаила, о которой я уже говорил в одной из предыдущих глав.

Итак: почему Рудольф Штайнер так поздно говорит о Михаиле и почему он лишь так поздно учреждает школу Михаила? Потому что на своем жизненном пути он всегда вынужден был делать вещи, которые не заканчивали другие. Так, например, ему пришлось пожертвовать многие годы развитию гетеанизма. Он должен был развить язык, в котором могла бы явить себя антропософия. Он должен был своим соратникам явить пример совместной работы вместо бесконечных споров.

Важной фазой, естественно, была дискуссия с Теософским Обществом, которое было сильно ориентировано на древнюю эзотерическую мудрость Востока. Это движение было абсолютно враждебно тому, что представляла антропософия, а именно, христианской эзотерике. Мне незачем об этом подробно рассказывать. Вскоре после дискуссии с теософами произошла первая мировая война, которая подействовала сильно замедляюще.

Сразу же после окончания войны Рудольф Штайнер начинает работать с совершенно новым поколением. Он характеризует его как молодежь, родившуюся после окончания Кали-юги, на рубеже веков. Из этой генерации происхожу я - я родился в 1905 году - сегодня один из последних.

На время после первой мировой войны приходится также внутренняя встреча Рудольфа Штайнера с Итой Вегман, его сестринской душой, которая много раньше уже находилась вблизи него, в принципе, уже с 1904 года(29). Однако настоящая внутренняя встреча происходит лишь много позднее. Почему так поздно? Ита Вегман однажды высказалась, что расхождение между Аристотелем и Александром Великим все еще действовало между ними. Его нужно было преодолеть, прежде, чем могло произойти внутреннее узнавание. Поэтому было необходимо, чтобы Ита Вегман долгое время в одиночестве шла своим собственным путем, дабы затем как зрелая душа и с полным сознанием вновь встретиться с Рудольфом Штайнером.

Это произошло в 1921 году, когда Ита Вегман решила открыть в Арлесхайме клинику. У нее была клиника в Цюрихе, которую она оставила, чтобы поблизости от Дорнаха открыть новую клинику. Она учреждает эту клинику, затем идет к Рудольфу Штайнеру и говорит: эта клиника находится в Вашем полном распоряжении. Скажите, пожалуйста, что нужно делать.

Я противостою соблазну рассказать теперь обо всем, что в те годы происходило в клинике в Арлесхайме. Каждый день при первой же возможности Рудольф Штайнер приходил туда, работал с врачами, принимал участие в обсуждении пациентов, давал указания и так далее. Однако он сам никогда не лечил ни одного пациента. Он говорил всегда: это должен делать настоящий врач, это я могу предоставить Ите Вегман.

День четвертый ТЕЧЕНИЕ ХРИСТИАНА РОЗЕНКРОЙЦА

Сегодня мы займемся вторым великим духовным течением. С определенной точки зрения оно полярно первому течению, которое мы вчера охарактеризовали как течение **познания духа**. Второе течение может быть обозначено как деятельность в мире, **воздействие на мир**. Речь идет о том течении, которым руководит Христиан Розенкройц.

И здесь возникает большой вопрос, а именно: кто был Христиан Розенкройц? Эта индивидуальность предприняла свой последний ряд инкарнаций лишь в 13 столетии, в тот момент, когда человечество созрело, чтобы выработать индивидуальный разум. Течение розенкрейцеров все же много, много древнее, чем антропософия. Самая известная инкарнация Христиана Розенкройца это **Хирам Абиф**, строитель храма Соломона. Этот Соломон мог путем духовного видения познать размеры и пропорции храма. Он мог воспринять, как должен был выглядеть храм согласно воле духовных властей. Однако он

не мог произвести необходимых расчетов, которые были нужны для реальной конструкции здания. Для этого ему нужен был архитектор, который мог обходиться с земной материей, который мог строить в земной реальности нечто, что было не только видением, но и остающейся, конкретной реальностью.

Я не хочу здесь пересказывать так называемую "храмовую легенду". Рудольф Штайнер посвятил ей ряд докладов, которые сегодня изданы в томе "**Храмовая легенда и золотая легенда**"(30). Там описывается драма, которая разыгралась между Соломоном, потомком Авеля, и Хирамом, потомком Каина.

Драма действительно ведет назад, к противостоянию Авеля и Каина. Эта история известна из Библии: один из них пастух и жертвует овцу из своего стада. Другой земледелец и жертвует плоды своего поля. Что различает обоих? Первый оставляет вещи таковыми, каковы они есть, и живет в гармоническом созвучии с природой. Другой хочет преобразовать землю, своими руками облагородить и возделывать ее. Каин пашет землю, сеет и собирает урожай. Через его труд силы Солнца могут соединяться с Землей. Яхве, лунный Элохим, отвергает, отражает солнечные силы и тем самым также жертву Каина.

Так в развитии человечества возникает двоичность: есть люди, которые владеют знаниями, и люди, которые владеют умением. Стремление изменить Землю, превратить ее в храм - вот глубокое основание течения розенкрейцеров.

Цель этого течения связана с глубокой тайной в развитии человека и Земли. Кто знает труды Рудольфа Штайнера, тому известно, что не только каждый человек снова и снова проходит через новые воплощения, но также и сама Земля. Та Земля, какой мы ее сегодня знаем, проделала уже три таких воплощения. Первое было названо Рудольфом Штайнером как "древний Сатурн", второе как "древнее Солнце", третье как древняя Луна" и четвертым является Земля. После явленной сегодня формы последуют еще три дальнейшие, носящие имена "Юпитера", "Венеры" и "Вулкана".

Следующее воплощение Земли, состояние Юпитера, будет совершенно другим, нежели теперешнее. Тогда больше не будет вещества. Основа Юпитера будет состоять из эфира. Дело обстоит так, что сущностное сегодняшнего состояния Земли - точно также, как в случае с человеком - перейдет в будущее состояние Юпитера. Однако для этого Земля должна быть преобразована, трансформирована. И это должно быть сделано человеческими руками. Все, что человек облагораживает, всюду, где он из природы создает подлинную культуру, образует зерно будущего воплощения Земли. Все другое будет отброшено. Это облагораживание является задачей каинитов.

Теперь попробуем собрать воедино все, что известно об инкарнациях Христиана Розенкройца. Эренфрид Пфайффер рассказывал мне, а ему сказал это Рудольф Штайнер, что воплощением Христиана Розенкройца был Иисус. Это тот Иисус, что перевел еврейский народ через Иордан и захватил Иерихон(31).

Затем инкарнация как Хирам Абиф. И в заключение воплощение, в котором поток Каина соединяется со Христом. Христиан Розенкройц является тогда как Лазарь, который умер и был пробужден Христом. Он получает посвящение и иерофантом при этом является сам Христос. Воскресший Лазарь идентичен с **Иоанном**, учеником, о котором Библия говорит, что "Иисус его любил". Он является единственным из круга учеников, кто стоял под Крестом, и он является также создателем Евангелия от Иоанна и Апокалипсиса.

Фридрих Риттельмайер, первый эрцберленкер Общины Христиан, рассказывал мне, что он знает некоторые более поздние инкарнации Христиана Розенкройца. Все вместе это были мученические инкарнации. Тем самым эта индивидуальность стремилась к "imitatio Christi", подражанию Христу вплоть до внешнего.

Примерно в 1230 году Христиан Розенкройц - он был еще ребенком - был опознан как один из будущих великих вождей человечества. Важные вещи об этой инкарнации сообщил Рудольф Штайнер. Эти сведения мы находим среди прочего в докладах, которые

собраны в томе под названием "Эзотерическое христианство"(31a). В этом воплощении - как уже говорилось, он был еще очень юным, когда это происходило - вокруг Христиана Розенкройца собираются двенадцать великих представителей всеобщей мировой мудрости, дабы позволить всей своей мудрости излиться ? него. Он получает это посвящение, однако вскоре после этого умирает, не достигнув и двадцатилетнего возраста.

Затем в 1378 году он рождается снова. К началу пятнадцатого столетия он предпринимает продолжительные странствия, и в 1459 он удостоивается посвящения "брат розенкрейцер". Это посвящение было описано в "Химической свадьбе Христиана Розенкройца(32). В качестве иерофанта выступает при этом не кто иной, как **Ману!** Так мы видим, как один вождь человечества всегда помогает другому.

Поначалу течение розенкрейцером вынуждено действовать в совершенной тайне. Шла работа "на внутреннее". Та?, к примеру, в алхимии дело заключается не в результате, но в действии как таковом, а также в переживании этого действия. Что происходит, если твердую материю довести до испарения? И что, если пар затем снова осадить? Если нечто растворить и затем этот раствор снова подвергнуть кристаллизации? Душа алхимика внутренне сопровождала, как бы проделывала эти процессы. Великий вопрос гласил: что такое **квинтэссенция**, пятый элемент, наряду с четырьмя элементами, водой, землей, воздухом и огнем? Это был эфирный мир, о существовании которого алхимики догадывались, но который все еще не могли найти.

Алхимик имел ощущение: материя должна превращаться в эту пятую субстанцию, в эфир. Однако все это протекало вне взоров широкой публики. Это было абсолютным законом, что розенкрейцер должен работать скрытно. Если становилось известным, что кто-то работал как розенкрейцер, он должен был в тот же день оставить свой дом, чтобы под другим именем и в другом городе начать новую жизнь. Это правило было, среди прочего, потому абсолютно необходимым, что только так удавалось избежать инквизиции, которая наверняка сделала бы жизнь розенкрейцеров невозможной.

Только спустя сто лет после смерти Христиана Розенкройца могло стать известным, что он жил. Это правило действует также и в отношении его последующих воплощений, так как с тех пор в каждом столетии происходила инкарнация Христиана Розенкройца(33). Когда Рудольфа Штайнера однажды спросили, инкарнирован ли тот также и в настоящее время, он это подтвердил. Однако когда его спросили, кто же это, он ответил: об этом нельзя говорить.

Миссия Христиана Розенкройца связана, таким образом, с задачей преобразования Земли в будущий Юпитер. Что, собственно, происходит, когда человек пашет землю? Когда вносит в нее препараты, приготовленные по "алхимическому" методу, которые вводят в нее эфирные силы? Тогда облагораживается кусочек Земли! Эренфрид Пфайффер, бывший, так сказать, на дружеской ноге с элементарными существами, рассказывал, как преображаются эти существа, когда человек обрабатывает землю. Работа, которую проводит человек на земле, помогает им в их развитии.

Кто такие современные розенкрейцеры? Это те люди, которые работают над облагораживанием материи. Рудольф Штайнер сказал однажды: благодаря человеческим рукам Земля должна стать произведением искусства. Только это произведение искусства может стать зерном будущего развития; все иное не будет в нем участвовать.

Я это уже говорил: современных розенкрейцеров следует искать, например, среди тех, кто занимается биолого-динамическим сельским хозяйством. Следует только один раз увидеть, как они работают с препаратами: они зарывают их в землю на лето или зиму, в зависимости от препарата. Перед тем, как зарыть, их подвешивают на высоком дереве, чтобы они подверглись воздействию сил воздуха и света. Совершенно ясно, что при этом всяческими способами работают с четырьмя элементами, в точности, как это было в алхимии.

Что делает садовод, который где-то в глуши день за днем в одиночестве старается

задерживать влагу, заложив свою компостную кучу? Он преобразовывает частицу Земли! И это имеет вечную ценность! Находясь в течении познания, легко приходят к тому, что говорят, глядя на таких людей: да, но он не медитирует... Однако закладывание компостной кучи это тоже медитация - розенкрейцерская медитация!

Другую группу розенкрейцеров можно найти среди антропософских фармацевтов. Это те, кто создают лечебные средства. Если, к примеру, рассмотреть процесс производства лечебных средств на антропософском предприятии "Вала", то и там можно разглядеть алхимические пронес -сы. Например, материя там подвергается воздействию большого ритма дня и ночи, утреннего солнца и вечернего солнца, зимнего солнца и летнего солнца.

Рудольф Штайнер был тем, кому мы обязаны указаниями, как можно производить препараты и медикаменты. Однако он сам не был ни крестьянином, ни фармацевтом. Это не было задачей его судьбы, собственноручно выполнять эту работу.

Я сам с определенного момента приучил себя к следующему: когда я прописываю какому-либо пациенту какое-то лечебное средство, и при этом беру в руки соответствующий флакончик, например, арника D20, то я думаю: тут у меня в руке частица переработанной Земли. Материя растения арники полностью удалена из жидкости, однако ее эфирная структура сохранилась. В этом флакончике находится малая часть субстанции Юпитера, на которую следует взирать с большим благоговением. Если врач или пациент ощущают это благоговение, тогда медикамент действует лучше.

Этому благоговению я научился от моего друга Херберта Хана, который долгое время жил в Нидерландах. Хан мог с большим благоговением выпивать стакан воды. Затем он говорил: это хорошая вода! Он рассказал мне однажды, как они с Рудольфом Штайнером сидели на террасе. Заказали кофе. Когда кофе принесли, Штайнер положил кусочки сахара и затем очень долго внимательно смотрел в кофейную чашку. В конце концов, это длилось уже непереносимо долго, Хан спросил его, почему он это делает. Штайнер ответил ему: Если бы люди только знали, что за грандиозный мировой процесс разыгрывается, когда сахар растворяется в кофе... " Хан сказал по этому поводу: Штайнер вкушал не кофе, а мировой процесс!" Такие вещи можно было услышать только от Херберта Хана. У него был нюх на такие дела. Поэтому он и замечал, когда нечто такое случилось с Рудольфом Штайнером.

В антропософском медицинском движении можно встретить врачей, которые являются подлинными розенкрейцерами. Они думают терминами лечебных средств медицины. Это значит, они видят пациента и знают интуитивно: арника! или: аурум! У них диагноз одновременно содержит уже лечебное средство. Прекраснейшим примером была Хильма Вальтер, сотрудница Иты Вегман. Она всегда записывала, что говорил Рудольф Штайнер во время обсуждения пациентов. Позже она написала об этом книгу(34).

Моя судьба сложилась так, что после войны, пережив "голодную зиму" и трудную работу в Цоннехуизе, я должен был сколько-то времени провести в Асконе, чтобы отдохнуть. Там есть филиал клиники Иты Вегман. Я лежал в комнате с Альбрехтом Штрохшайном, у которого было нечто подобное. Однажды утром выглядываю из окна - у меня был чудесный вид на Лаго Мажоре - и вижу, как открывается дверь и выходит фигура в черной пелерине. Она осторожно оглядывается и затем направляется в сторону горного склона за городом. Это была Хильма Вальтер. Она делала обход, чтобы собрать травы. Возвращаясь спустя пару часов, где-то около половины восьмого, она приготавливала лечебные средства, которые в тот же день после обеда намеревалась выдать своим пациентам.

Однажды я полушутя-полувсерьез сказал ей: "Хильма, ты можешь меня лечить, но мне хотелось бы получать не больше семнадцати различных лечебных средств в день! Конечно, это было нахальное замечание. Но она затем схитрила и готовила четыре или пять различных вещей в одной инъекции.

У Хильмы Вальтер было глубокое знание человеческой конституции. Она видела своими духовными очами сложные жизненные процессы и знала, какое лечебное средство

для какого процесса подходит.

Искусство также входит в розенкрейцерское течение. Скульптор, создающий из камня скульптуру, поднимает материю на более высокий уровень. Художник, накладывающий на холст мазок за мазком, краску за краской, работает на границе физического и эфирного мира. Выдающийся художник, то есть тот, который действительно может творить, должен иметь глубокие познания материи. Скульптор не может работать с материей, не познав ее физических тайн. И он также должен знать структуру дерева, с которым работает.

В связи с этим важно указать на тот факт, что Рудольф Штайнер, хотя он принадлежит течению познания", указывает на путь ученичества, каким он представлен в его книге "Как достигнуть познаний высших Миров?"(35), как на розенкрейцерский. Почему он это делает? Потому что Христиан Розенкройц открыл глаза на реальность физического мира. В Теософском Обществе, которое было сильно ориентировано на восточные истины, об этом не имели никакого понятия. Там как раз избегали физического мира. В центр там ставили не собственные восприятия, но послания мастеров, сообщенные медитативным путем. Рудольф Штайнер сказал: рассмотрите зерно! Возьмите карандаш, и рассмотрите, как он сделан! Так Штайнер входил в физическую реальность. Это было крайне необходимо как терапия для тогдашней теософской публики. И чтобы было ясно, что его сообщения никак не в духе восточной традиции, но именно в западном духе, он ссылается на Христиана Розенкройца как инспиратора антропософского пути ученичества. Рудольф Штайнер хотел поразить тогдашних теософов трезвым языком своей книги

"Как достигнуть познаний высших миров?"

В чем же смысл познания, к какому духовному течению ты сам принадлежишь? Ну, если это знать, тогда можно смотреть дальше, нежели только на близлежащие задачи и цели, тогда знаешь, что свою работу следует воспринимать как часть чего-то большего. Не видя же более обширных взаимосвязей своей деятельности, человек может долго топтаться на месте.

Естественно, следует всегда давать себе отчет, что имеешь дело также и с другими течениями. Никогда не являешься исключительно розенкрейцером. Человек существо трехчленное: он думает, он чувствует и он делает. Так это и с тремя течениями. Розенкрейцер также имеет связь с Рудольфом Штайнером. Ибо что он знает, он знает это только благодаря Рудольфу Штайнеру -без изучения [антропософии] в сегодняшнее время нельзя сознательно быть розенкрейцером. И прежде всего справедливо, что каждый человек в той или иной своей инкарнации должен выполнить совершенно определенную задачу. И если он не находит эту задачу, тогда он несчастен.

В качестве психиатра я часто сталкивался с такими людьми. Многие люди, когда становятся старше, имеют чувство: в сущности, я должен был делать то или иное, однако я этого не сделал. Почему же? Потому что они думали, что это невозможно. Потому что они в своей жизни не решились на риск. Такие люди часто думают: теперь уже слишком поздно! Однако это еще более тяжкая ошибка мышления. Никогда не бывает слишком поздно! Бывает позднее развитие, так что лишь с семидесяти лет человек открывает, какова его задача в этой жизни. Тогда вдруг все становится возможным. Он оказывается способным на вещи, которых от него уже никто не ожидал.

День пятый СОВРЕМЕННАЯ ЗАДАЧА РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

Вчера я набросал очерк розенкрейцерского течения. Это было необходимо, привести вначале некоторые факты, которые известны о Христiane Розенкройце. Поэтому я коснулся следующих вопросов: когда он бывал воплощен и что он в этих воплощениях делал? Сегодня я хочу глубже затронуть существо этого течения.

Розенкрейцеры стоят как бы в первом ряду в борьбе сил добра и тьмы. В определенных областях они должны быть первопроходцами. В средние века они действовали еще тайно.

Сегодня розенкрейцер полностью открыт. Что нужно ему, чтобы плодотворно работать?

Я хочу назвать нечто, что особенно важно для развития розенкрейцерской работы.

Как важный пункт я называю: **внимательность к темпу развития**. Всякое развитие совершается медленно. Ариманические силы хотят все ускорить, поторопить. Можно видеть, как повсюду в наше время все имеет тенденцию прежде всего к краткосрочным проектам и быстрым результатам. Это организует Ариман, так как он хочет помешать "Я" человека достигнуть совершенно сознательного отношения к новым спиритуальным способностям.

Ариману нужны люди, лишенные "Я", которые больше не имеют никакого внутреннего контакта с вещами и действуют автоматически. Цель Аримана - механически функционирующее общество.

В этом состояла, к примеру, сущность большевизма. Модель, которую придумал Ленин, была введена силой. Ленинское общество было не развито, но планомерно насаждалось. Чтобы понять суть большевизма, нужно научиться видеть, что здесь речь идет об общественной форме, которая в своем чистом виде возможна будет только в далеком будущем, в то время, которое в духовной науке определяется как "шестая культурная эпоха. Под этим имеется в виду так называемая "культура Самодуха", в которой будут обходиться друг с другом совершенно по-иному. Ариман же хочет приблизить во времени отношения будущего, ввести их раньше, нежели люди созреют к ним. Этим он надеется достичь того, что человеческая душа не сможет в них дышать, что она в то же время будет ими отравлена. Нужно только увидеть то бесчеловечное, что было совершено Лениным и его последователями. Человеческая жизнь для Аримана вообще не имеет значения.

Любое развитие требует времени. Я очень хотел бы, чтобы следующее предложение было написано большими буквами:

**ЕЩЕ НЕ ВРЕМЯ СОБИРАТЬ УРОЖАЙ!
СЕГОДНЯ ВРЕМЯ ВЫСЕВАТЬ ЗЕРНА,
КОТОРЫЕ ПРИНЕСУТ ПЛОДЫ
В БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ ВРЕМЕНА.**

Кто не может с этим примириться, тот должен отказаться идти путем, которым должен идти розенкрейцер. Иначе он будет переживать разочарование за разочарованием.

Розенкрейцер должен учиться жить с вопросом и ждать того момента, когда сможет прозвучать ответ из духовного мира. Даже если это тянется, быть может, двадцать или тридцать лет. Только с такой выдержкой побеждают Аримана. Речь идет не о том, чтобы добиться внешних успехов, но о том, чтобы выдержать. Время души сознательной, в котором мы теперь живем, продлится до 3500 года. То есть впереди у нас еще 1500 лет! За это время должна возникнуть подлинная культура души сознательной. Тем, кто стремится ускорить этот процесс и уже сегодня хочет видеть конкретные результаты, кто всегда говорит: то, что делается тут или там, это нельзя еще назвать культурой души сознательной! - тем я мог бы ответить: естественно, нет, как можно было бы ожидать чего-то другого?

Такой подход не имеет ничего общего с пессимизмом. Он больше коренится в глубоком доверии к реальности духа. Доверие к тому, что скромные зерна, которые сеют, когда-нибудь действительно станут плодами - вот то, чему должен учиться розенкрейцер.

Мой друг Эренфрид Пфайффер был в этом отношении мастером. Вообразите только, как он из ничего создал свою лабораторию! Представьте себе, как после смерти Рудольфа Штайнера - в то время сам он еще не завершил учебу и считался у членов Антропософского Общества юнцом - он неколебимо продолжал работу, начатую вместе с Рудольфом Штайнером! Свои эксперименты он начинал в ящике под кроватью. Затем он получил комнату в одном антропософском институте. И в конце концов в его распоряжении оказалось большое круглое помещение в "Доме стекол", где он мог

расположить свой письменный стол, книги и свое исследовательское оборудование.

Большим разочарованием его жизни был тот факт, что на него то и дело нападали кто-нибудь из членов Антропософского Общества. Они говорили: а что, собственно, делает там Пфайффер? Вообще-то он достигает каких-нибудь результатов? - Однако Пфайффер ни при каких обстоятельствах не терял присутствия духа. Он непоколебимо работал дальше. Когда же в тридцатых годах он не смог больше выносить трудности Антропософского Общества в Дорнахе, он перебрался в Соединенные Штаты. В Шпринг Балле недалеко от Нью-Йорка он тотчас же снова организовал лабораторию, чтобы иметь возможность работать дальше.

Когда после войны он вернулся в Дорнах и хотел вступить в свою лабораторию в Доме стекол", он должен был просить позволения. И когда он сказал, что желал бы там снова работать, он услышал, что, к сожалению, там нет для него места; но он, пожалуй, мог бы быть консультантом биолого-динамического крестьянства в Швейцарии. Тут Пфайффер сказал: премного благодарен - я уже являюсь им.

Но он работал дальше. Правда, эта история сказалась на его здоровье. Последний раз я встретил Пфайффера в Нью-Йорке в начале пятидесятых годов. Долгие часы мы провели тогда за беседой. Он был очень подавлен своим собственным состоянием и тем, что он мало продвинулся в своих исследованиях. Но несмотря на это известное малодушие, он работал дальше. Несколькими годами позже он умер от заболевания легких.

Эренфрид Пфайффер - пример для всех людей, проводящих свои исследования в лаборатории. Пфайффер сообщил мне однажды:

Еще при жизни Рудольфа Штайнера он начал свои исследования по так называемому "кристаллизационному методу"(36). Сначала все шло благополучно. Из множества всевозможных субстанций был выбран хлорид меди, а также такие растительные субстанции, которые хорошо смешиваются с хлоридом меди. Когда возникли первые кристаллизации, Рудольф Штайнер был особенно счастлив. Он полагал, что эти кристаллизации могут быть хорошим подспорьем для развития созерцательной силы суждения", той силы суждения, которая возникает при рассмотрении феноменов. Речь идет о том, чтобы учиться воспринимать сущностное, которое проявляет себя при таких кристаллизациях. Для: этого воспринимающий должен на основе этой воспринимающей силы суждения развить свободную от телесности имагинацию. Это долгий путь, так как чтобы этого достичь, нужна выдержка.

В то время, когда Пфайффер был занят этим, другие постоянно критиковали его работу. Ее хотели направить к чему-то такому, с чем можно иметь дело. Якобы, это должно быть развито в диагностический метод. Я вспоминаю, как Пфайффер однажды сказал, что с этим исследованием кристаллизации было бы связано высокое духовное существо. Это существо хотело испытать, созрело ли уже человечество для развития и несения рабочего метода на базе свободной от телесности имагинации. И Пфайффер уточнил, что это существо отступило назад в тот момент, когда его метод стал применяться для чисто диагностических целей.

Практическое применение последовало слишком быстро. Было еще слишком мало людей, которые действительно развили созерцающую силу суждения". Я не хочу тем самым утверждать, что мы должны прекратить работать с методом кристаллизации. Однако иногда бывает так, что нужно идти окольным путем, чтобы достигнуть собственной цели. Важно, чтобы мы видели, что вещи просто требуют своего времени!

Величайший враг свободных имагинаций - фиксированные имагинации. Эти фиксированные имагинации возникли уже в египетское время. Если вы рассматриваете какую-нибудь греческую статую Аполлона, то она всегда является подлинником. Все статуи Аполлона различны. Такая статуя возникала в Древней Греции каждый раз заново из имагинации художника. В египетское время имагинации фиксировались. Существовали правила, которым должны были следовать изображения богов. Голова должна быть повернута налево или направо; к этому полагались всегда определенные атрибуты и так

далее. Эти статуи затем сотнями распространялись по всему царству, так что они встречались везде. Такие образы богов действовали на эфирные тела гальванизирующе.

Также и в наше время встречаются такие многообразные фиксированные имажинации. Стоит только вспомнить о свастике или памятниках Ленину и Сталину, которые до последнего времени можно было найти в любой деревушке в Советском Союзе. Творческие способности человека были таким образом коррумпированы. От этого эфирное тело становилось жестким, неэластичным. И в этом уловка Аримана.

В древнем Египте материализм был подготовлен не только культом мумий, но прежде всего фиксацией имажинаций.

Мы должны будем учиться искать праобразы. В свете всего изложенного это значит: мы должны учиться думать метаморфизируя". Это та способность, которую должен развить розенкрейцер.

Сотрудники такого института, как Институт Луиса Болька(37) в Дрибергене, где исследования природы производятся на гетеанистической основе, находятся на переднем фронте великой духовной борьбы. Это абсолютно необходимо, чтобы она сознательно была несомна большим кругом людей, которые действительно понимают, почему эта работа так важна.

День шестой ДУХОВНОЕ ТЕЧЕНИЕ МАНУ

Сегодня мы будем говорить о среднем течении, то есть том течении, которое стоит между течениями, представленными Рудольфом Штайнером и Христианом Розенкромцем. Это течение доставило мне самую большую головную боль. Когда образ первых двух течений однажды возник перед моим взором, я знал, что должно существовать еще и третье течение, которое образует середину и связано со спасением человеческой души. Однако я не знал, какой высокий вождь человечества с ним связан.

Два высказывания [Рудольфа Штайнера] навели меня на след. Одно возвращает нас к Вальтеру Иоханнесу Штайну(38). Когда Штайн готовился к тому, чтобы впервые провести в десятом классе первой Свободной Вальдорфской школы в Штуттгарте эпоху Парсифаля, он однажды сказал Рудольфу Штайнеру: "Чем дольше я занимаюсь Парсифалем, тем яснее становится мне, что он является важной индивидуальностью. " - Рудольф Штайнер подтвердил это. Штайн спросил дальше: "Столь же значительная, как Заратустра или Скитианос?" - "О нет, ответил Рудольф Штайнер, - много выше стоящая!" - Штайн столкнулся здесь с большой проблемой. Для меня это было указанием на то, что несомненно имеется духовное течение, которое должно быть действенно на протяжении еще большего периода времени, нежели, к примеру, течение Заратустры.

Второе указание я нашел в докладе о Мани и манихействе", который Рудольф Штайнер прочитал 11. 11. 1904 в Берлине. В самом начале доклада Рудольф Штайнер говорит: "Еще более важным духовным течением, нежели розенкрейцерство, было манихейство"(39). Снова, таким образом, речь идет о духовном течении, которое явно является еще более объемлющим, нежели те, которые нам известны. Кроме того, я спрашивал себя: в чем состоит связь между Парсифалем и манихейством?

В конце концов я натолкнулся на индивидуальность **Ману**. И когда я проследил, что Рудольф Штайнер говорил об этом Ману, мне стало ясно что здесь речь идет о значительнейшем вожде человечества.

Ману сопровождал человечество с середины лемурийского времени и прошел через все этапы развития, прожитые с тех пор человечеством. Его задачей было всегда помогать людям в их балансировании между добром и злом. Он был учредителем центральных солнечных мистерий в Атлантиде. Гермес и Заратустра были двумя его учениками, которых он подготовил к тому, чтобы они сыграли ведущую роль в послееатлантическое время. Это созвучно высказываниям Рудольфа Штайнера о такой индивидуальности,

которая в своем духовном развитии стоит выше Заратустры.

В древние времена Ману называли "божественным Ману". Действие "Я" человека в те времена не было еще так сильно развито, так что прямое воздействие богов еще было возможно и даже необходимо. Хотя Ману сам был человеком, он все же мог быть посредником между людьми и богами. Через него действовали божественные иерархии.

Мы знаем, что в конце атлантического времени Ману собрал вокруг себя группу людей, которые уже проявили первые задатки автономного индивидуального мышления. С этими людьми он ушел на восток. Ядро этой группы он привел в область Тарим-Бекен, где тогда еще было большое внутреннее море. Там он выжидал, пока наступит время, когда сможет начаться первая послеплатантическая культура, пра-индийская. Он был тем, кто посвятил семь **риши**, пра-учителей индийской культуры. То же самое совершил он и для **Заратустры**, инспиратора второй послеплатантической культуры, древне-персидской. А также для **Гермеса**, основателя египетской культуры.

Я уже приводил высказывание Рудольфа Штайнера, согласно которому "божественный Ману" однажды станет "человеческим Ману". Тогда он не будет больше тем же образом введом иерархиями, но будет собственными силами добывать свои познания. Лично я убежден - однако в отношении этого я не смог найти в трудах Рудольфа Штайнера каких-либо указаний, - что задача Ману как "божественного Ману" подошла к своему концу в египетской культуре. Затем он начинает, так я думаю, новый цикл воплощений, в котором он готовит себя к задаче "человеческого Ману". Он должен как бы снова начать с самого начала.

Его ранней инкарнацией в этом новом ряду является **юноша из Саиса**. В то время, когда в древнем Египте подготавливался материализм - вчера мы об этом говорили - в храме Исида стояла статуя Исида, покрытая вуалью. Она больше не говорила. Она называлась вдова в трауре", потому что Осирис ее покинул. Поэтому жрецы Исида называли себя "сыновья вдовы".

Было запрещено поднимать вуаль - и это лишало покоя юношу из Саиса. Он был явно темпераментной личностью, так как однажды наступил момент, когда он сдернул покров со статуи Исида, чтобы получить ответ на свои настоятельные вопросы. По храмовым законам это был смертный грех, и юноша был казнен.

Следующим воплощением был **юноша из Наина**, который умирает и воскрешается Христом. Он первый человек, который воспринял христианское посвящение, исполненное самим Христом в качестве иерофанта. Вторым человеком, получившем такое посвящение, был **Лазарь**, или апостол **Иоанн**. К сожалению, никто не задал Рудольфу Штайнеру вопрос, что случилось затем с юношей из Наина, и дальнейших указаний нет. Однако ввиду того, что он был первым, кто воспринял христианское посвящение, мы можем заключить, что он глубоко связал себя с существом Христа.

Более поздним воплощением является Мани или Манес, который в третьем столетии после Рождества Христова предпринял попытку христианизировать пришедшую тогда в упадок персидскую религию Заратустры. Он был основателем манихейства.

Мани родился в 215 году по Р. Х. в семье бедных людей в районе современного Ирана, тогдашней Персии. Во время беременности его матери его отец во сне получил наказ оставить свою семью. Он удаляется к устью Тигра и Евфрата, чтобы там заключить себя в определенной секте. Когда Мани рождается, он, таким образом, снова оказывается сыном вдовы". Его мать так бедна, что не может его содержать, и Мани, согласно тогдашним обычаям, семилетним мальчиком был продан. Так он стал рабом у одной богатой вдовы. Эта женщина очень скоро узнает особенный дар юноши, которого тогда звали еще Корбициус. В конце концов она его усыновляет.

Когда ему исполнилось двенадцать лет, вдова умирает, и он наследует не только ее земное благосостояние, но также находившиеся в ее владении "четыре книги Скитианоса". Оказывается, что этот Скитианос в начале второго века жил как торговец между Скифией и Египтом, и рассматривал эту женщину как свою ученицу. Проезжая мимо, он

останавливался в доме этой вдовы.

Мани начинает изучать эти книги и уже вскоре имеет первую встречу со своим ангелом, которого он называет "Эль Таван", что дословно переводится как "соратник". С этого момента ангел постоянно находится вблизи него. Когда Мани исполняется восемнадцать лет, он собирает вокруг себя группу учеников. Теперь он сам дает себе имя Мани. Спустя несколько лет он решает на год заключить себя в абсолютной темноте и одиночестве. Он находит пещеру с источником и говорит ученикам: "Теперь вы год не увидите меня".

В абсолютной темноте он имеет первое переживание Христа, точно как Павел перед Дамаском. На основании этого он развивает учение, которое охватывает все стадии от древнего Сатурна до Вулкана. Характерным для этого учения Мани является то, что всесторонние образы развития он всегда представляет в двойственности света и тьмы. В конце концов, Мани был персом, который жил в поздний расцвет зороастризма. У Заратустры все стоит под знаком напряжения между добром (Ахурамаздао) и злом (Ариман). Это учение и принадлежавшие ему культовые практики пришли в упадок. Так, например, священники не назывались больше священниками, но "магами".

С этого начинается собственно манихейство. В короткое время Мани нашел необычайно много приверженцев. Он основывает школы, пишет труды и проходит со своим учением через всю Персию и Индию. Если в один из моментов мы видим его на царском дворе, то в следующий из-за козней магов он уже изгнан оттуда. В своих путешествиях он достигает также Тарим-Бекен. Везде, куда он приходит, он учреждает общины. За Гималаями до 1200 года по Р. Х. существовало великое манихейское царство! Известно, что в седьмом и восьмом столетиях в городах вдоль Шелкового Пути мирно сосуществовали всевозможные культуры: буддисты, исламисты и манихейцы.

В конце концов в 276 году Мани умирает. В это время он оказывается при дворе персидского царя, где маги высшего совета обвиняют его в том, что он якобы предал персидскую религию. Его приговаривают к смерти и жестоко казнят. Однако манихейство в следующие столетия распространяется все дальше и дальше, образуя область, которая простирается от Гибралтара до Китая.

Римская церковь всегда огнем и мечом боролась против этого движения. Еще до недавнего времени почти все наше знание о манихействе базировалось на сочинениях отца церкви **Августина**. Августин стал манихейским послушником, однако он знал только внешние аспекты этой религии. Высших степеней он не достиг. Затем он отвернулся от манихейства и стал выдающимся противником этого учения(40).

Лишь в тридцатых годах двадцатого столетия в одном из коптских монастырей были открыты древние манихейские тексты. По ту сторону Гималаев также были найдены древние книги, написанные на диалекте, который могли прочитать лишь очень немногие специалисты. Поэтому потребовалось еще тридцать лет, пока содержание этих книг стало общедоступным. В своей книге Мани, провозвестник света" Евгений Роль на основе этих новых знаний, которые, впрочем, во многом совпадают с описаниями Рудольфа Штайнера, создал образ Мани и его учения(41).

Если спросить, в чем суть манихейства, то ее можно выразить в двух предложениях. Первое: каждый свет создает тень. Или иначе: когда делают нечто благое, одновременно возникает тень этого благого. Когда, например, группа людей нашла идеальную форму совместной работы, то позже она получит опыт, что эта форма в следующей фазе развития вдруг превращается в помеху. Так форма может необычайно затруднить обновление, которое в данный момент необходимо. Мы всегда вынуждены будем бороться с тенью, которую мы же создали тем, что сделали нечто правильное. Мы не можем просто оставить эту тень лежать слева. Напротив, мы вынуждены будем включить эту тень в наше развитие.

Вторая основная идея манихейства: тень благого должна быть встречена с кротостью. Не с яростью, не с силой, а с кротостью! Образование добра в противовес злу - об этом

идет речь на пути манихейства. Любовь и добро (кротость) являются силами, которые спасают человеческую душу.

Если в своем развитии делают один шаг вперед, это имеет своим следствием то, что ситуация тех людей, которые "отстают", становится еще темнее. Это и отличает путь манихейца, что он в течение определенного периода своей жизни всецело посвящает себя собственному высшему развитию, чтобы затем снова вернуться к беднейшим из бедных и дальше идти вместе с ними. Этот манихейский основной принцип является главной опорой всякой социальной работы.

Каждый шаг вперед порождает тьму. Поэтому необходимо постоянно возвращаться во тьму не с гневом и яростью, а с кротостью и любовью. Слова **кротость** и **любовь** имеют решающее значение в течении Ману и манихейство является формой проявления этого течения. Потому что миссия Ману - спасение человеческой души. Я это уже говорил: человеческий дух недосыгаем, поэтому силы противодействия избрали человеческую душу. Человеческая душа действительно является полем битвы в борьбе между добрыми и злыми силами. Пытаются затемнить человеческую душу, даже уничтожить, с тем, чтобы человеческое "Я" не могло больше через нее приобретать опыт.

Если мы теперь посмотрим на антропософское движение, то вынуждены с сожалением сказать, что кротость и любовь не всегда преобладают. Все же в антропософском движении есть много людей, которые хотят идти путем Ману. Естественно, нельзя только делать ошибку, думая, что то, что Мани тогда развил для персидской культуры, имеет то же значение и для современности. Речь идет об основных принципах, и они остались теми же.

Деятельность Ману мы встречаем в лечебной педагогике. Только задумайтесь, что люди между двадцатью и тридцатью годами ценнейшее время своей жизни - иногда целое десятилетие - жертвуют на то, чтобы заниматься с парой отставших детей! Эти люди отказываются от разнообразных приятностей жизни, и пытаются день за днем помочь маленькому ребенку, нуждающемуся в лечебнопедагогической помощи, сделать шаг в развитии. Это готовность жертвовать... Даже если здравомыслящие люди говорят: послушай, брось это! ты ведь ничего этим не достигнешь - они тем не менее продолжают это делать!

В те времена, когда я познакомился с антропософией, я был убежден в том, что буду делать научную карьеру. Все было повернуто в эту сторону: когда я закончил учебу, у меня в кармане уже было приглашение от института раковых исследований в Амстердаме. Я, таким образом, был на кратчайшем пути в исследователи. Но познакомившись с лечебной педагогикой, я понял, что это может стать моим путем. Правда, весьма примечательным образом: я основал институты и работал врачом в области лечебной педагогики. Однако я никогда не жил и не работал семь лет с группой отставших в развитии детей. Но я оказывал помощь, исходя из **познания**. И тут можно видеть, как различные течения взаимопереплетаются.

Душа в опасности, и задача Ману спасти эту душу. Мы также видим это, проследивая его дальнейшую деятельность на Земле.

Вскоре после его смерти мы снова видим Мани на Земле. Те, кто знакомы с трудами Рудольфа Штайнера, знают, что в четвертом веке по Р. Х. состоялось нечто вроде "спиритуального совета", в котором приняли участие великие вожди человечества: Мани, Заратустра, Скитианос и еще одна личность, которая сильно инспирирована Буддой. Об этой встрече Штайнер говорит, что она была "одним из самых значительных спиритуальных собраний" в развитии человечества. Совет, в котором участвовали не более четырех индивидуальностей! Они обсуждали стратегию сил добра в борьбе против зла до конца земного развития(42).

Его следующее великое воплощение **Парсифаль**. Он был первым человеком, который проделал полное развитие души сознательной. Это особенно отчетливо видно, если

рассмотреть разницу между Мани и Парсифалем. В качестве Мани эта индивидуальность развила такую мудрость, что трудно представить, тогда как в качестве Парсифаля она предстает как "чистые врата". Парсифаль рождается без познаний. Он вынужден начинать с самого начала и через страдания набираться ума. Это важная примета души сознательной. Мы знаем это из своей собственной жизни: ничего не дается нам сразу, мы все вынуждены проходить через эпицентр жизненных реальностей, через страдания становиться более умными - мы все суть Парсифали. Мы глупыши, мы не знаем наших предыдущих воплощений и своей жизненной цели, мы не знаем, что, собственно, мы должны здесь делать, как мы должны это делать. Мы не знаем, кто мы такие, мы кружим и действуем как придется.

Мало-помалу Парсифаль начинает понимать, в чем его задача. Как раз на примере Парсифаля можно видеть, насколько прав был Рудольф Штайнер, когда говорил, что важно знать, к какому духовному течению принадлежишь: лишь во второй половине жизни смог Парсифаль сознательно и правильно выполнять свою задачу. Ибо это единственный способ и метод, как можно выполнить свое назначение - из познания того, в чем оно состоит. Ведь человек души сознательной должен стремиться к этому. Сначала должны произойти страннейшие вещи, быть пройдены глупейшие окольные пути. Однако кто выдержит, тот сможет в один прекрасный день сказать самому себе: я розенкрейцер, я представитель течения Ману, или же я участвую в миссии Рудольфа Штайнера.

И я повторю это еще раз: конечно, каждый человек несет в себе все три качества, однако речь идет о том, чтобы открыть, где лежит центр тяжести.

Люди, принадлежащие к течению Ману, имеют глубокую потребность помогать другим, тем, кто несчастлив или переживает трудности. Они могут и хотят пожертвовать частью своей собственной кармы ради других. Это очень ясно можно видеть в лечебной педагогике. Я уже описывал это: когда видишь, как молодые люди жертвуют несколькими годами своей жизни, чтобы жить вместе с детьми, которым нужна помощь, понимаешь, что является сутью Ману.

Я испытываю большое благоговение перед теми, кто взваливает это на себя. Их часто называют "простоватыми душами", то есть рассматривают как людей, которые, якобы, не в состоянии интеллектуальным образом работать в антропософии. Таких людей, которые, в сущности, несут на себе лечебнопедагогическую работу, мне часто приходилось защищать от так называемых антропософов, в чьих головах все так прекрасно расставлено.

Бывало так, что сотрудник лечебнопедагогического института оказывался не в состоянии сделать интеллектуальное сообщение о развитии своего подопечного, так что после этого кто-нибудь находил его неспособным для этой работы! Тогда я говорил: я хотел бы, чтобы так называемые антропософы обладали хотя бы частью той любви, которую эти так называемые неприятельные души несут в себе. Для людей, входящих в течение познания, их самомнение часто становится несчастьем, и тогда они не видят, что происходит в действительности.

Течение Ману видим мы также в психотерапевтической работе и там, где занимаются организацией развития. Я основал НПИ, институт для консультации предпринимателей, его сотрудники приходят на предприятия и фирмы, чтобы там смягчить трудности. О чем в принципе идет речь при том роде консультации предпринимателей, который я хотел ввести? Мы пытаемся помочь предпринимателям развивать структуры, в которых души их сотрудников не выматывались бы так, не изнурялись бы. Через групповую работу и индивидуальные беседы сотрудники снова находят мужество трудиться дальше, даже если ситуация в фирме когда-то выглядела безысходной.

К сожалению, антропософское движение мало что поняло из этого. Наивеличайшее сопротивление, которое НПИ пришлось выдержать, пришло из антропософского движения! Ибо деятельность НПИ была приговорена под лозунгом "групповая работа

обращена не к "Я", а к душе ощущающей". Тогда как ведь именно душа сознательная получает необычайную пользу от групповой работы! Душа сознательная развивается как раз в этой, подчас, конечно, трудной, совместной работе с другими!

День седьмой ЗАДАЧА МАНУ В БУДУЩЕМ

Между сегодняшней и предыдущей встречами лежит конец недели, выходные, в которые я смог отдохнуть. Последний раз я должен был прервать перечисление профессий, которые принадлежат течению Ману. Я хотел бы обратиться к ним еще раз.

Конечно, здесь в первую очередь мы имеем дело с лечебной педагогикой. Однако также и с другими профессиями по уходу за людьми, например, в больницах. Тем временем в этом течении возникают и новые профессии, как, например, "будди" в движении в помощь больным, инфицированным СПИДом, а также люди, посвятившие себя сопровождению умирающих. Затем психотерапевты, люди, практикующие терапию искусством, физиотерапевты и так далее. Все они терпеливо занимаются с другими, находящимися в беде. Важную группу образуют все матери мира, которые дарят детям многие годы жизни.

Но мы сузим свой горизонт, ограничившись только определенными профессиями. Потому что если попытаться представить, как может выглядеть движение Ману в следующем столетии, то возникает гораздо более богатая панорама. Мне думается, что выступит индивидуальность, от которой, как это было в случае с Мани, будет исходить сильное позитивное излучение. Импульс Мани, мы иногда забываем об этом, оказывал свое влияние на протяжении семи столетий, от Гибралтара до Монголии! Естественно, это заслуга не одного только Мани. Его окружают многие другие индивидуальности, обладающие способностью воплощать его импульс и нести его дальше.

Конечно, это трудно, сказать сейчас конкретно, как будет выглядеть новый импульс Ману. То, что я сейчас скажу об этом, следует расценивать как осторожную попытку. Однако одно кажется мне неоспоримым: он появится не для того, чтобы учредить новую религию. У меня впечатление, что он скорее даст импульс к мощному социальному движению, которое охватит большую часть мира. При этом речь может идти о движении людей, которым опостылела эгоистическая материальная культура и которые имеют потребность основать культуру на базе интереса к другим людям.

Я ожидаю нечто подобное. Еще раз я хотел бы это совершенно четко подчеркнуть: никто не может предсказать будущее. То, что я здесь высказываю, суть догадки, не более. Нужно опасаться образовывать слишком твердые представления о будущем, так как до тех пор, пока оно не станет явным, эти представления оказываются препятствием для восприятия того, что действительно происходит. Действительность часто шокирующе иная, чем ее себе представляли.

Однако я предполагаю, что возвысится кто-то, кто, возможно, в политическом смысле будет играть не такую уж большую роль, но окажется в состоянии воодушевить большие группы людей к социальному идеалу. Вместе с этими людьми он пойдет в мир и вызовет перелом настроения в отношении общественных проблем.

Некоторые "предтечи" течения Ману уже видимы. Например, уже сегодня в жилых кварталах больших городов есть люди, которые говорят: не можем ли мы вместе нести ответственность за наших детей? не можем ли мы вместо того, чтобы отдавать их в какое-то анонимное детское учреждение, сами вместе организовать что-нибудь для наших детей? - везде, где люди хотят помочь друг другу, воистину ищут друг друга, чтобы вместе нести ответственность, там видно начало нового социального импульса. Сегодня возникают сообщества людей, которые в случае нужды могут позвонить друг другу и затем готовы день и ночь один другому помогать. В этом я вижу главное направление развития, которое отчетливо выступает в последние годы.

Это может грандиозным образом распространиться. Люди будут все больше находить чудеснейшие пути, чтобы помогать другим. Ставить себя на службу бедам других - вот то, о чем здесь речь! Но, конечно, силы противодействия не оставят все это в покое. Позвольте мне привести один пример:

Как только люди в каком-либо жилом квартале хотят вместе что-то организовать, какой-нибудь социолог тут же удовлетворенно констатирует в газете: ага, снова возвращается социальный контроль! Это то, что делает Ариман: субтильная подмена готовности к помощи контролем. Обратите внимание: везде, везде вы будете наткаться на такого рода подмены, которые происходят фактически неприметно. В этом мы видим оскал Аримана.

Я верю, что это движение [о котором я говорил] будет иметь совершенно иной профиль, нежели движение Мани. Однако по всеохватности и значению оно будет безусловно сравнимо с ним. Я думаю, множество людей предоставят себя в распоряжение этого импульса и как его посланцы разойдутся по миру. Всюду они принесут спасительные слова, преодолевающие одиночество человека. Ариман хочет каждого человека сделать одиноким до полной бесконтактности. Ману хочет как раз противоположного: он хочет установить между людьми подлинный контакт.

Однажды Рудольф Штайнер сказал Эренфриду Пфайфферу, что он начал движение свободных вальдорфских школ и социальной трехчленности, чтобы сделать возможной инкарнацию Ману и его помощников(43). Будем надеяться, что найдется достаточно активных антропософов и они смогут воплотить то, что требуется Ману для его развития! И мы надеемся, что антропософы узнают его, когда он, наконец, будет здесь.

Речь тут может идти о личности, которая в короткое время соберет вокруг себя большие массы помощников. Мы здесь на Западе не должны поддаваться заблуждению, думая, что он в любом случае будет рожден в Европе. Очень даже может быть, что он выступит в какой-нибудь африканской, азиатской или другой стране.

Таким образом, речь здесь идет о большом, охватывающем весь мир движении. В этом месте я хотел бы еще кое-что сказать о первом течении, об антропософии. В конце этого столетия антропософия также - об этом Рудольф Штайнер высказывался однозначно - получит новый импульс. Ну, конечно, в этой связи в антропософских кругах в первую очередь думают об Антропософском Обществе. Однако антропософский импульс включает в себя гораздо больше, нежели только Антропософское Общество. Везде в мире существуют люди, занятые развитием духовной науки. Часто они делают это в полной тишине, без какого-либо контакта с представителями Антропософского Общества. Это означает, что новый антропософский импульс может прийти совсем из другого угла, нежели этого ждут антропософы.

Нападки на антропософскую работу, совершенно безразлично, к какому течению эта работа относится, будут принимать очень массивные формы. В медицинском движении синдикат фармацевтической индустрии, которая распоряжается миллиардами, будет "в интересах общества" продвигать на рынок определенные продукты, другие же придерживать. Также такие продукты, о которых известно, что они вредны для человека, будут распространяться вполне осознанно. Фармацевтическая индустрия пустит в ход все имеющиеся в ее распоряжении средства, чтобы лишить голоса антропософскую медицину.

Но глубинно антропософское движение будет расти. Министр сельского хозяйства недавно констатировал, что все больше крестьян тоскуют по новому способу земледелия. Они хотят по-иному обходиться с природой и с окружающим миром. И это действительно так. Поворотный рубеж достигнут. Однако именно потому, что существующий материалистический мировой порядок вынужден обороняться, с этой стороны и приходят низости.

В том, что я хотел бы передать вам, мои читатели, воплощения великих вождей человечества вовсе не главное. Что нам с того, что мы их узнаем? Такого рода познания

плодотворны лишь тогда, когда благодаря им открываются сердца; если в нас пробуждается понимание, что каждый из нас вовлечен в борьбу, которая уже потребовала многих жертв. Кто позволит воздействовать на себя драматическим инкарнациям Рудольфа Штайнера, Христиана Розенкройца и Ману, кто действительно впустит эти жизни в свою душу, тот ощутит великую солнечную силу, которая скрывается за этими фактами.

Тогда познают, прежде всего у Ману, что здесь лежит сила познания и жертвенная готовность, вырастающая из сердца. В будущем возникнет новая мораль, согреваемая сердцем мораль, которая не будет дана извне в форме десяти заповедей, не будет изобретена философами или учителями этики. Это будет мораль, проистекающая из непосредственного переживания, всечеловечная по своей природе. Эта мораль будет приводить людей к жертвенной готовности.

Такова позитивная сторона того, что принесет будущее. Однако мы не продвинемся, если будем видеть только эти позитивные стороны. Мы должны бороться также со стратегией сил противодействия. Об этом завтра, однако уже сегодня я хотел бы сказать нечто в качестве введения.

Мы накануне двухтысячного года. Из некоторых указаний Рудольфа Штайнера мы должны заключить, что 1998 год сильно отмечен знаком Аримана. Знающим труды Штайнера известно, что развитием Земли и человечества предопределено, что однажды Ариман будет инкарнирован на Земле в физическом облике. В своих докладах Рудольф Штайнер указал на момент, который лежит в третьем тысячелетии: "прежде, чем истечет часть третьего тысячелетия после Рождества Христова". Во время встречи в Бреслау он сказал группе молодых людей, что Ариман употребит все силы, чтобы этот момент перенести на как можно более ранний срок(44). И от человечества в целом будет зависеть, удастся ему это или нет.

Что может каждый из нас сделать в этой ситуации? Каждый из нас может делать то, что заложено в его карме, не более, но, надеюсь, и не менее. И чтобы это целеустремленно, с сильной внутренней уверенностью исполнить, смочь сделать, для каждого из нас в отдельности важно знать, к какому духовному течению он принадлежит. Так как только на основе этого знания можем мы осознать наши конкретные задачи.

Так постепенно учимся мы понимать, в чем необычайное значение слов Рудольфа Штайнера, которые он тогда сказал молодым людям: "Я ожидаю, что через три месяца вы будете знать, к какому духовному течению вы принадлежите!" Конечно, Рудольф Штайнер прекрасно понимал, что за такое короткое время им это не удастся. Однако также он знал, что необходимо пробудить молодых людей. Ибо в своих сердцах они были очень довольны собой! Разве не были они как антропософская молодежь" кровью человечества? Заботливой рукой Рудольф Штайнер хотел сделать им замечание и поставить их перед вопросом, над которым они могли бы работать всю дальнейшую жизнь.

В каком течении стоим мы сами - тут нам придется преодолеть большие трудности. И самой значительной является та, что мы должны научиться работать вместе. Это касается прежде всего различных антропософских учреждений, которые в этом смысле как раз не блещут. Быть готовым жертвовать друг для друга и не бояться, что другой захочет отобрать у тебя масло с хлеба - это получается только тогда, когда перед глазами имеют великое целое, когда знают, какова красная нить, которая тянется сквозь всю антропософскую работу. Рудольф Штайнер подарил нам столь великий образ, как, например, переход Земли в будущий Юпитер. Мы должны будем развивать все большее мужество, размышляя над этим великим образом, и прежде всего мужество видеть **друг друга** в свете этого великого образа. Вместо того, чтобы делать других меньше, мы могли бы учиться видеть друг друга более великими.

День восьмой **СТРАТЕГИЯ СИЛ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

До сих пор мы говорили о силах, играющих позитивную роль в развитии человечества. Однако эти позитивные силы не могут быть поняты без познания сил негативных, которые ведь тоже имеются. Существует постоянное взаимодействие между деяниями негативных сил и сил благих. Чего желают злые, это оказывает свое влияние на силы добра, и наоборот. Потому что благие силы всегда реагируют на действия сил зла, дабы обернуть их во благо.

Теперь о силах противодействия. В развитии человечества поначалу шла речь только о той власти, которую Рудольф Штайнер называет Люцифер. Его деятельность простирается вглубь веков. Так, например, Люцифер создал в древней Лемурии в сфере астрального мира необычные образы ящеров. - Вторая сила противодействия, которую Рудольф Штайнер называет Ариман, принялась эти астральные образы воплощать непосредственно в физической действительности. Эти гигантские создания стали серьезной угрозой развитию человечества. И лишь когда ящеры снова вымерли и их останки были глубоко и надежно погребены в Земле, человеческое развитие могло продолжаться дальше.

Из этого эпизода истории человечества уже хорошо видна сущность обеих сил противодействия. В обоих случаях мы имеем дело с духовными существами, которые восстали против космического порядка, цель которых прежде всего затруднить развитие человечества, направленное на достижение индивидуальной свободы и духовной автономии. При этом оба духовных существа поддерживаются сонмами низших существ, которых в эзотерической литературе называют "демонами". Таким образом, существуют люциферические демоны и ариманические демоны.

Рудольф Штайнер всегда подчеркивал, что чрезвычайно важно хорошо различать обе формы зла. В сущности, они имеют полярный характер. Люцифер всегда стремится к видениям, он хочет увести человеческую душу от Земли. Ариман, напротив, хочет вогнать человека глубже в земное, сильнее связать его с физической материей. Он является инспиратором ставшего односторонним материализма, творцом пустого, абстрактного мышления, что сегодня задает тон в нашем обществе. Люцифер создал карикатуру лишенной содержания фантазии, Ариман - карикатуру лишенного содержания компьютерного мозга. Хотя они противоположны в отношении их намерений и методов действий, они заключили пакт о сотрудничестве. Из того, что я скажу сегодня, будет ясно, почему это так.

После уже упомянутого эпизода в древней Лемурии при образовании человеческого астрального тела был сделан следующий шаг. Тогда происходит нечто исключительно важное в развитии человечества: люциферические силы получили доступ к астральным телам людей. Это привело к тому, что мужское человечество приняло экстравертный характер, женское, напротив, более интровертный. В этот период возникают первые зачатки речи, однако они еще больше походят на пение и опираются на интровертные души женщин.

В конце лемурийских времен ситуация на Земле становится столь тяжелой, то есть наступает до того сильное "отверждение", что человеческие души не в состоянии больше инкарнировать. Адам и Ева, описанные в Библии как первые люди", это, в сущности, последние души, которые эти условия еще "выдерживают", и тем самым на Земле обеспечивается непрерывность [человеческого рода - ред.]. После этого трудного времени, когда субстанция Земли вновь становится мягче", души людей постепенно одна за другой снова находят доступ к физическим телам. Когда начинается атлантический период, все больше и больше людей возвращаются на Землю.

Теперь под влиянием Люцифера человечество начинает делиться на расы, народы и

племена(45). Тем самым Люцифер действует в духе позитивной цели: через это разделение человеческие души получают возможность в каждой инкарнации приобретать совершенно различный опыт. Первые атлантические народы, рмогалы, становятся затем предками позднейших черных народов. В этих культурах получает развитие то, что в духовно научной литературе обозначается как "силы быка". Это те силы, которые лежат в основе обмена веществ. Культы коровы, возникшие по всей Земле и действовавшие потом еще очень долгое время, имеют свой исток в этой первой атлантической культуре. - Вторая атлантическая культура, народ тлаватлей, образует "культуру льва", которая базируется на силах, связанных с дыханием и ритмической системой в человеке. И, наконец, пра-тольтеки развивают культуру орла, связанную с силами мышления. Эти пра-тольтеки отправляются затем на Запад и становятся предками позднейших индейцев. Они развивают особенно миролюбивые культуры, опирающиеся на земледелие.

В четвертый и средний атлантический период, в период пра-туранцев, человеку, который к этому моменту состоит из физического тела, эфирного тела и астрального тела, впервые как капля" присоединяется "Я". Теперь развитием человечества начинает интересоваться Ариман. Первое, что он делает, это следующее. Он наполняет эти "Я", которые еще не имеют земного опыта, высокомерием. Поэтому человек подвергается соблазну магии, что, в свою очередь, ведет к аномальным природным явлениям, катастрофам. Это ариманическое высокомерие оказывается началом конца атлантической культуры. В сущности, тогда все протекало точно также, как и сегодня.

Теперь мы оставим атлантическое время и последуем за этими пра-туранцами, которые затем отправляются на Восток, в центральную Сибирь, где они основывают шаманскую культуру. Они остаются там до тех пор, пока не исполнят свою миссию для Аримана, а именно, уничтожение позднейшей персидской культуры Заратустры. Когда в послеатлантическое время персидская культура достигает расцвета, то мы видим, что это приводит к борьбе с туранцами. Персы вынуждены мобилизовать все силы, чтобы защитить свою солнечную культуру от потомков древних туранцев. В итоге туранцы проигрывают эту битву. Медленно, но неудержимо распадается их культура, и их народы крошат друг друга.

Для Аримана это было первое разочарование в длинном ряду. Для Аримана характерно, что он не извлекает уроков из своих разочарований. Люди учатся на своих разочарованиях, Ариман нет. Каждый раз он думает: ну, в этот раз удастся!

Ариман постоянно пытается захватить развитие человечества. Вслед за вторым послеатлантическим периодом, древнеперсидским, в следующем, древнеегипетском, Ариман создает себе возможность отважиться на новую попытку.

В начале египетского времени впервые в истории душевная жизнь человека приобретает сознательный характер. Теперь он не реагирует лишь автоматически на то, что происходит вокруг него, но развивает зачаток самостоятельной внутренней жизни, зачаток души ощущающей. Возникает внутренняя непрерывность в сфере переживаний.

В этом была задача египетской культуры, заложить зерно материалистической культуры, которая должна была прийти к полному расцвету лишь много позже, в сегодняшнее время. Этот подготовительный характер египетской культуры проявляется, например, в чрезмерном интересе ко всему, что связано с физическим телом. Посредством мумифицирования человеческого "Я" остается связанным с физическим телом еще долго после смерти. Ариман же пытается такие процессы, которые связывают человека с физической действительностью, усилить до такой степени, чтобы тем самым вызвать ускоренное развитие материалистической культуры.

Ответ благих сил мы находим в строительстве пирамид. Что такое пирамида? Пирамида это насквозь космическое сооружение. Ее мера определяется космическими закономерностями. Пирамида это "космическая полость" в земном царстве. И в этой полости лежит гроб фараона, отчего возобновляется связь между египетской культурой и

духовным миром.

Следующим позитивным импульсом была египетская математика, которая точно так же, как пирамиды, базируется на космических закономерностях. Число один обозначает в математике "целое", целостность космоса. Число **два** было расколом, делением. Два было, таким образом, "половиной". Чем выше было число, тем меньше была часть. Это суть та же самая математика, которая действует и в музыке. И поскольку духовные гармонии пронизывали эту математику, египтяне могли создавать свои чудесные сооружения. Так хиреет (простите мне это слово) влияние Аримана. Лишь много позже в декадентской фазе египетской культуры удастся Ариману снова приобрести влияние на ее развитие. Снова Ариман разочарован.

Его следующая попытка приходится на время, когда подготавливалась Мистерия Голгофы. Тогда перед поворотом времен из пришедших в упадок атлантических мистерий Венеры как ответный ход" возник ариманический импульс. Развивается "отрицательный" солнечный культ, которым руководит Ариман и чьим знаком является знак Таотля(46).

Тем самым я хочу указать на темные мистерии Мексики, где жрец достигает своего посвящения тем, что он постоянно совершает убийства и хладнокровно, в полном сознании режет живую плоть, чтобы изъять живые человеческие органы. Всякий раз, когда жрец таким подлым образом убивал человека, он поднимался в мистериях градусом выше. Чем чаще он это делал, тем глубже входил он в реальность зла.

Богом этих темных мистерий был **Таотль**, насквозь злое существо. Однако параллельно этому возникает также народная религия, чьим богом является **Тескатлипока**. Этого бога Рудольф Штайнер сравнивал с Яхве. Потому что культура Яхве, как и культура Тескатлипока, была инспирирована из сферы Луны.

Здесь Ариман хотел создать полюс, противоположный тому, что как раз тогда подготавливалось: Мистерии Голгофы. Примерно в то же самое время, как и Иисус из Назарета, в Мексике также рождается ребенок - легенда говорит: от девы и пернатого существа. Этот ребенок носит имя **Вицлипуцли**(46а). Он вырастает и собирает вокруг себя людей, которые черпают свою силу из центральных солнечных мистерий. Когда Иисусу из Назарета исполнилось тридцать лет и во время Крещения в Иордане с ним соединилось существо Христа, чтобы в течение трех лет пребывать на Земле, в Мексике это привело к сильному противостоянию между жрецами Таотля и сторонниками Вицлипуцли.

Противостояние заканчивается тем, что вождь темных мистерий был побежден и распят. Примерно в одно и то же время висели они на кресте: Христос в Палестине и черный маг в Мексике. Распятием вождя мистерий Таотля была также сломлена магическая сила Аримана - он какое-то время не мог негативным образом вмешиваться в человеческое развитие.

Можно задать себе вопрос: кто был этот Вицмитуцли, ведущий борьбу не физическим оружием, но силой своего духа? Не был ли это сам Ману?(47) Относительно этого не существует никаких указаний Рудольфа Штайнера. Однако я могу себе представить, что вы, дорогие читатели, будете наталкиваться на этот вопрос. Это хорошо, жить с такими вопросами. Возможно, когда-нибудь придет внутренний ответ.

Вицлипуцли собрал вокруг себя людей, которые в предыдущих воплощениях были посвящены в центральные солнечные мистерии. Для этих людей характерно то, что они были способны работать вместе как группа, отражая влияние темных мистерий. Тем самым я подхожу к пункту, который имеет значение для антропософского движения: однажды Рудольф Штайнер высказался, что определенные пионеры антропософского движения прошли через воплощение в окружении Вицлипуцли и при этом сыграли важную роль в борьбе против сил тьмы. В своей теперешней инкарнации, согласно Штайнеру, эти индивидуальности уже искали антропософию. Мне думается, что это были люди другого душевного склада, чем многие из нас привыкли.

Что же является существенным в истории Вицлипуцли? Перед нашим духовным взором

возникает грандиозный образ: на Востоке висит на Кресте безвинный Христос, тогда как на Западе на кресте по заслугам висит черный маг: образ и его противоположность.

Если бы миссия Вицлипуцли не удалась, то Европу захлестнула бы грязная волна черной магии с Запада. После ее уничтожения Европа смогла развиваться свободно. Последствием этого события является неосознаваемая склонность Европы отворачиваться от Америки - тот настрой, который еще не преодолен также и среди нас, антропософов. Но если однажды внутренне вызвать эту большую картину и вдобавок осознать, что Вицлипуцли и его друзья были **людьми**, тогда понимаешь, что речь идет об эпизоде, который был решающим для всего человеческого развития.

Снова Ариман проиграл и снова ждет следующей возможности. В начале развития души рассудочной, когда начинается греко-римский культурный период, Люцифер и Ариман решают поделиться добычей. Люцифер получает Грецию, а Ариман латинские народы. Люцифер намеревается таким образом воздействовать на греческую культуру, чтобы она закончилась в дыму эстетства и иллюзий. Он хочет добиться того, чтобы греческая культура потеряла всякую связь с земной реальностью. Конечно, греческая культура полна очарования, также и для нас, и это вполне оправданно. Однако решающим при этом является то, что эта культура не должна была оказаться приведенной к той цели, которую поставил Люцифер: снова вмешиваются вожди человечества - они интродуцируют греческую философию как противоположность мечтам Люцифера. Рождаются досократики, которые еще целиком живут в образах души ощущающей. Но прежде всего это Сократ и Платон, которые постепенно отдаляются от этого образного мира. Они развивают свою философию из души рассудочной. Все же Платон не совсем преодолевает это; его философия, хотя она тоже интересна и прекрасна, остается все же большей частью укорененной в мифологии, он не прорывается к философии конкретного мышления.

Это делает Аристотель, который завершает труд Сократа и Платона. Выше я уже касался подробно Аристотеля и его сестринской души, Александра Великого. Здесь я хотел бы сделать лишь одно дополнение: именно Аристотель был тем, кто остановил люциферические силы. Я знаю множество антропософов, которые очень восторгаются Платоном и морщат нос, как только слышат имя Аристотеля, так как Аристотель кажется им сухим и мало спиритуальным. Однако если попытаться читать "Психологию" Аристотеля - что действительно очень непросто - то там наталкиваешься на множество познаний, которые мы снова встречаем в "Теософии"(47а) Рудольфа Штайнера.

За греко-римским периодом наступает средневековье. Также и в этот период Ариман пытается осуществить свои цели, тем, что он "ариманизирует" труд Аристотеля. Это значит, что этот труд уводится в нереальные абстракции. Такому преобразованию труды Аристотеля подвергаются в арабских странах. Оттуда они распространяются по всей Европе. Затем является Фома Аквинский, он освобождает этот труд от влияния ариманического мышления и христианизует его. Дважды Ариман пытается из арабских стран угрожать христианской культуре. Первый раз это приходит из Гибралтара. Арабские войска проникли до Пиренеев, однако возле Пуатье они были отражены. Вторая попытка Аримана исходит из Стамбула. Он остановлен неподалеку от Вены.

В те времена все это принимало вид кровавой резни. Сегодня мы должны спросить себя: как обстоит дело теперь? В стенограмме одного долгое время не публиковавшегося доклада(48), выдержки из которого, тем не менее, циркулировали и антропософском движении, Рудольф Штайнер говорит, что в конце тысячелетия Люцифер и Ариман объединятся, чтобы завладеть человечеством. Это ждет нас в ближайшее время!

К этому присоединяется то, что 1998 год - это год, который кратен 666. Каждые 666 лет следует сильный импульс Аримана. Это число встречаем мы также в Апокалипсисе Иоанна. Там оно дано во взаимосвязи со "зверем, что имел два рога". Этот зверь, как там описывается, приходит из твердой земли. Также там упоминается другой зверь, который выходит из моря. И так это и есть на самом деле: "море" обозначает здесь эфирный мир и

из него будет действовать Люцифер. Напротив, Ариман будет пытаться угрожать душе человечества из мира земного.

В личной беседе мне было сообщено, что Рудольф Штайнер говорил об этом с некоторыми тогда еще молодыми антропософами. Тогда он сказал: с духовной точки зрения Ариман имеет право на инкарнацию в третьем тысячелетии, а именно, как противовес к воплощению Люцифера, которое имело место примерно за три тысячи лет до Рождества Христова. Рудольф Штайнер добавил еще, что Ариман приложит все силы, чтобы приблизить свою инкарнацию к 1998 году. Удастся ли ему это, зависит от того, будет ли достаточно людей, прозревающих его истинную природу. Есть ли такие люди? Этого я не знаю. Суждение об этом я хотел бы передоверить лично друзьям, читающим это. Сам я сказал бы так: вопрос еще открыт.

В 1916 году Рудольф Штайнер сказал, что в начале XXI века зло выступит в форме, которую теперь - то есть тогда - еще нельзя было обсуждать. Это был 1916! Для нас же это стоит непосредственно у порога - большинству из нас предстоит это пережить! И все вместе это составляет причину того, что Ману хочет инкарнировать в следующем столетии. Он хочет поднять мощное народное движение, которое образует противовес надломленной материалистической культуре. Но вчера мы об этом уже говорили.

Мое личное ожидание таково, что Ману родится не в какой-либо европейской стране, но где-нибудь в другой части мира. Почему в Европе? Потому что мы, антропософы, там живем? В кратчайшее время, так я думаю, соберет он вокруг себя много людей, всерьез обеспокоенных господством в мире материально ориентированной культуры. И он будет работать с небольшой группой людей, стоящих в "течении познания" с целью помочь людям Земли прозревать намерения Аримана. Без духовнонаучных познаний это не получится!

Многие группы сподвижников пошлет он в мир, чтобы пробудить людей от ариманического сна. Начало этого мы уже видим: это поднимающееся из глубины неприятное ощущение, присущее множеству людей, которые вообще не имеют никакого отношения к антропософии, но тем не менее чувствуют: сегодняшняя культура требует только моей головы! Я часто слышал, как молодые люди говорят: мы превратились в диктофоны, мы получили компьютерные мозги, и мы можем только воспроизводить то, что в нас вложено.

Однако человек имеет также сердце, чувство. Мы бросаем нашу молодежь пробираться через пустыню. Трюк Аримана состоит в том, что люди так рано, как только возможно, начинают развитие интеллекта, охотнее всего уже с четырех лет. Это имеет двойное следствие: первое, что неслыханное число людей внутренне надорваны; второе, что накапливается недовольство.

Это недовольство когда-нибудь прорвет плотину интеллектуализма и с необычайной силой будет искать выхода. В этот момент должны найтись группы людей, которые смогут оказать поддержку неуверенным душам, смогут защитить их от рук Люцифера. Потому что это так и будет происходить: разорвав путы Аримана, будут попадать в теплые объятия Люцифера.

Внутри антропософского движения, помня об этом будущем, мы должны учиться работать друг с другом в группах. Не играет особой роли, что это за группы, учебные ли группы, жизненные ли сообщества, или рабочие группы. Заниматься вместе, человеческим образом вести школу, вести хозяйство крестьянского двора, вести предприятие... Тогда мы будем готовы к тем вещам, время которых приблизилось.

Я думаю, что острая фаза борьбы будет лежать между 2020 и 2040 годами. Тогда откроются бездны демонов. Национал-социализм и большевизм на их фоне поблекнут. При этом погибнут миллионы. Однако и миллионы будут оказывать сопротивление. И точно также, как во всех предыдущих случаях, Ману будет с нами, чтобы помочь; точно также, как он, без сомнения, присутствовал в великой борьбе тогда в Мексике.

Многих достигнет клич, и многие из свободной воли станут на сторону Ману.

Приложение

Прилагаемый текст представляет собой отрывок из изречения, которое Рудольф Штайнер произнес поздним вечером 5 апреля 1909 года при заложении камня основы "Модель-бау" в Мальше, которое было связано с основанием там новой (теософской) группы.

Это маленькое здание рассматривалось как модель намеченного к строительству "храма". Строителем был студент Е. А. Карл Штокмайер, который в связи с этим попросил у Рудольфа Штайнера указаний. Сердцем проекта были два ряда из семи колонн каждый, которые несли овальный купол. Капители колонн образуют цепь метаморфоз, в которых отражаются семь планетарных стадий земного развития. Позже Рудольф Штайнер применил эти эскизы капителей в первом Гетеануме.

Небольшое сооружение в Мальше неподалеку от Карлсруэ сейчас реставрировано и его еще сегодня можно посетить.

Слова, которые Рудольф Штайнер произнес при заложении камня основы, имеют молитвенный характер. Непосредственно за тем они были записаны по памяти одним из примерно двадцати четырех присутствовавших.

Этот фрагмент воспроизводится здесь по просьбе Бернарда Ливехуда, потому что в нем Рудольф Штайнер совершенно особым образом говорит о том, какова задача течения розенкрейцеров в отношении преобразования Земли.

Фрагмент взят из тома "Образы оккультных печатей и колонн" (GA 284, Дорнах, 1977, стр. 112-113. Права у Rudolf Steiner Nachlassverwaltung, Dornach).

Так мы хотим заложить камень основы этого храма в недра нашей матери-Земли, при лучах полной Луны, озаряющих нас, среди зеленого мира растений, окружающего здание. И как Луна отражает ясный свет Солнца, так мы хотим отражать свет божественных сущностей. Мы хотим с полным доверием обратиться к нашей матери-Земле, которая любовно несет и защищает нас, и хотим ей доверить документы здания.... /далее следовало описание... /

Одновременно со свидетельством мы хотим погрузить наши желания, наши молитвы, все мы, здесь собравшиеся, и мы хотим часто вспоминать этот момент и то, что воспламеняет наши души и сердца. Тогда наши мысли будут действовать дальше, помогая и защищая строительство этого храма и прочность ветви в Мальше. Молясь за этот камень и за общество в Мальше, мы одновременно просим благословения мастеров мудрости и созвучия ощущений и благословения всех высоких и высочайших существ всех духовных иерархий, которые соединены с эволюцией Земли. Мы молимся, чтобы они позволили своим силам влиться в этот камень и там действовать дальше, чтобы все, что над этим камнем будет думаться, чувствоваться, волиться и делаться, было в созвучии с ними и воодушевлялось их духом.

*Да осветит это здание
Свет Духов Востока;
Духи Запада да смогут его отразить;
Духи Севера да смогут его усилить
И Духи Юга его прогреть,
Так, чтобы Духи Востока, Запада,
Севера и Юга пронизывали строение.*

В муках затвердела наша мать-Земля. Наша миссия снова ее одухотворить, освободить, тем, что мы переработаем ее силой своих рук в наполненное духом творение

искусства. Да будет этот камень одновременно первым камнем основы для преображения и освобождения нашей земной планеты, и да умножится сила этого камня тысячекратно.

Когда мы были еще в недрах божества, окружены заботой божественных сил, тогда ткал в нас всепронизывающий и всенаполняющий дух Отца. Но тогда мы были еще бессознательны, не самостоятельны. Поэтому мы спустились в материю, чтобы здесь научиться развивать самосознание. Тогда пришло зло, тогда пришла смерть. Но в материи действовал также Христос и помогал нам побеждать смерть. И тем, что мы умираем во Христе, мы живем. Мы победим смерть и своей мощной силой обожествим, одухотворим материю. Так будет пробуждена в нас сила исцеляющего Святого Духа.

Да прозвучат на этом месте как вердикт слова:

*Ex Deo nascimur,
In Christo morimur,
Per Spiritum sanctum reviviscimus.
Из Бога рождаемся.
Во Христе умираем.
Через Дух Святой воскресаем.*

Примечания

Бернард Ливехуд из-за своей болезни был не в состоянии документировать многочисленные ссылки на труды Рудольфа Штайнера. Он говорил свободно по памяти и считал общеизвестными определенные доклады и тексты Рудольфа Штайнера. При этом он не исключал, что мог, со своей стороны, ошибаться.

Насколько это было для меня возможно, я проследил важнейшие высказывания Рудольфа Штайнера и других лиц, указав в примечаниях соответствующие доклады и труды. Таким образом, они представляют собой основу для дальнейшей работы. В отдельных случаях примечания имеют характер не просто ссылок, но могут служить пояснениями.

Йелле вам дер Мейлен

P. S. Для данного издания примечания частично переработаны редактором: выпущены ссылки на некоторые зарубежные малодоступные русскому читателю издания и указаны издания на русском языке. Для трудов Рудольфа Штайнера указываются номера томов (GA) в полном собрании его сочинений на немецком языке.

1 Упомянутые доклады Адольфа Аренсона относятся к 1930 году. Дословный текст этих докладов под названием "Рудольф Штайнер и бодхисаттва 20-го века" опубликован в "Beitr?ge zum Studium der Geisteswissenschaft", Nr. 2/1980.

2 Конфликт внутри Антропософского Общества, неоднократно описанный, привел, в частности, к тому, что в 1935 году ряд ведущих антропософов, среди которых Ита Вегман, Элизабет Вреде и Биллем Цильманс ван Эммиховен, были исключены из членов Общества. В 1948 году это решение было отменено. Ливехуд подробно описывает эти события в книге "Сквозь игольное ушко" (Het oog van de naald, Zcist 1991).

3 О душах, уставших от христианства, и душах, ищущих христианства, Рудольф Штайнер говорил 18. 7. 1924 в Арнхайме в докладах "Эзотерические рассмотрения кармических взаимосвязей, т. VI (Esoterische Betrachtungen karmischer Zusammenh?nge, GA 240).

4 О бодхисаттвах см. также Рудольф Штайнер, "Эзотерическое христианство и духовное водительство человечества" (Das esoterische Christentum und die geistige F?hrung der Menschheit, GA 130).

4а нем. Inkorporation, ср. k?rper - "тело".

5 Под первой иерархией подразумеваются наиболее высоко стоящие над человеком Серафимы, Херувимы и Престолы; вторая иерархия охватывает Силы, Власти и Начала; третья, ближайшая к человеку, это Архаи, Архангелы и Ангелы. Ср. Рудольф Штайнер "Очерк тайноведения", (GA 13) Ной, Ереван, 1992.

6 Рудольф Штайнер постоянно говорил об индивидуальности Христиана Розенкройца, например, в 1911 и 1912 гг. в цикле "Эзотерическое христианство и духовное водительство человечества", GA 130. См. также Р. Штайнер "Мистерия и миссия Христиана Розенкройца", СПб, Дамаск, 1992. Наиболее известны исторические труды о розенкрейцерах Валентин; Андреаса "Fama fraternitatis" (1614), "Confessio fraternitatis" (1615) и "Chymische Nozirzeit des Christian Rosenkreutz" (1616)

7 Метод кристаллизации возник после того, как Эренфрид Пфайффер задал вопрос Рудольфу Штайнеру о том, можно ли сделать физически видимыми эфирные жизненные силы. Штайнер полагал, что возможно сделать видимыми эти жизненные силы, как они присутствуют в соках живого организма (соке растений, крови), с помощью кристаллизующегося медиума. Чтобы достичь этого, нужно сок смешать с медиумом и подвергнуть кристаллизации. Результат кристаллизации выявит тогда характеристики тех или иных жизненных сил. "Чтение" и интерпретация результатов требует, согласно Штайнеру, "созерцающей силы суждения" (термин Гете), то есть суждения, опирающегося на непосредственное созерцание, без построения каких-либо теорий. Этот метод в Нидерландах развивается далее в Институте гетеаннстической естественной науки Луиса Болька в Дрибергене.

8 Время трехчленности: годы, когда Рудольф Штайнер развивал идею трехчленности социального организма (1917-1922), в ходе которых были основаны многие инициативы для воплощения этих идей. См. Рудольф Штайнер "Сущность социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего" (GA 23). "Духовное познание", Калуга 1992, "Социальное будущее" (GA 332a), 1993

9 W. J. Stein, Das neunte Jahrhundert. Stuttgart 1986

9a R. Steiner, Geisteswissenschaftliche Grundlagen zum Gedeihen der Landwirtschaft, GA 327

10 R. Steiner, Anthroposophische Leitst?tze, GA 26

11 Margarete und Eric) Kirchner-Bockhoit, Die Menschenaufgabe Rudolf Steiners und Ita Wegman. Dornach. 1976

12 Рудольф Штайнер дважды подробно говорил об этих двух индивидуальностях, Гильгамеше и Энкду: в 1910г. (в цикле "Духовная история" -Okkult Geschichte, GA 126, доклады от 27 и 28. 12. 1910) и в 1923г. ("Мировая история в антропософском освещении" - Die Weltgeschichte in anthroposophischer Beleuchtung, GA 233, доклад от 26. 12. 1923). Эти доклады он прочитал в рамках Рождественского Собрания, на котором произошло новое основание Антропософского Общества и основание Высшей Школы духовной науки. Впрочем, Рудольф Штайнер говорил не об Энкду, но об Эбани. По тогдашнему состоянию исследований первоначальное звучание шумерских слов не было твердо установлено. Позднейшие исследования показали, что правильное звучание имени не Эбани, а Энкду.

13 О деятельности Архангела Михаила см. Рудольф Штайнер "Миссия Михаила" (Die Sendung Michaels, GA 194) и "Антропософские тезисы. Мистерия Михаила" (Anthroposophische Leitst?tze. Das Michael-Mysterium, GA 26)

14 Рудольф Штайнер указывал на "Высшую Школу духовной науки" как на школу Михаила. Кроме того, Штайнер различным образом подчеркивал, что эта школа является частью спиритуального движения, имеющего свой исток в духовном мире.

15 Изречение Камня Основы, вместе с "Введением Рудольфа Штайнера в его ритмы и членение, входит в том Die Weihnachtstagung zur Begr?ndung der Allgemeinen Anthroposophischen Gesellschaft 1923/24, GA 260. Также В. С. J. Licvegoed. Besinnung auf den Grundstein. На рус. яз. изречение приведено в книге Прокофьев С.О. "Рудольф

Штайнер и краугольные мистерии нашего времени", Ной", Ереван, 1992, а также Б. Ливехуд "Человек в сообществе", Духовное познание, Калуга, 1992.

16 О задаче розенкрейцерского движения см. в конце книги фрагмент выступления Рудольфа Штайнера при закладке камня основы в Мальше, включенный по настоянию Ливехуда.

17 О Хираме Абифе см. Рудольф Штайнер "Храмовая легенда и золотая легенда", 20 докладов 1904-1906 гг. (Die Tempellegende und die Goldene Legende, GA 93). О взаимосвязи Хирама Абифа и Христиана Розенкройца см. прежде всего доклад от 4. 11. 1904. Также в Библии: Бытие, Царства; Коране: суры 27 и 34; в апокрифической Книге Еноха.

18 О Ману см. Рудольф Штайнер "Принцип спиритуальной экономики во взаимосвязи с вопросами перевоплощения" (Das Prinzip der spirituellen Ökonomie im Zusammenhang mit Wiedergeburt- und Entwicklungsfragen, GA 109) и "Восток в свете Запада" (Der Orient im Lichte des Okzidenten, GA 113). -Имя Ману (на санскрите "ман - мыслить) пришло из индийского эпоса Махабхарата. В теософской терминологии оно указывает на высокое духовное существо, в чьи обязанности входит образование новых коренных рас. Подробное описание миссии Ману и его позднейших явлений как Ут-напишти и Мельхиседек см. в книге Эмиля Бока (Emil Bock. Urgeschichte. Beiträge zur Geistesgeschichte der Menschheit, т. 1, 1990)

19 В одном из ранних докладов об Атлантиде: возможно, Ливехуд имеет в виду четвертую главу в книге Р. Штайнер "Из летописи мира, (Aus der Akasha-Chronik, GA 11), "Духовное познание", Калуга, 1992.

20 R. Steiner. Die Weltgeschichte in anthroposophischer Beleuchtung, GA 233.

21 О городской богине Иштар Рудольф Штайнер говорит в цикле "Оккультная история", доклад от 28. 12. 1910, GA 126.

22 О мистериях Эфеса см. R. Steiner "Mysterien-gestaltungen", GA 232, "Das Initiaten-Bewusstsein", GA 243, 4-й, 5-й и 8-й доклады и GA 233, см. прим. 20

23 См. Платон, "Кратил". Из этого диалога следует, что Кратил был афинянином, сыном известного Смикриона. - О Платоне см. GA 233, там же об Аристотеле и Александре Великом.

24 См. прим. И, а также Emanuel Zeilmans van Emmichoven, Wer war Ita Wegman? Heidelberg 1991/92

24а О древнем Сатурне и будущем Вулкане как ступенях земной эволюции см. Р. Штайнер "Очерк тайноведения" GA 13 и "Из летописи мира" GA 11.

25 Wolfram von Eschenbach, Parzival. - О легенде о Граале и образах Сигуне и Шионатуландера см. Рудольф Штайнер "Христос и духовный мир. В поисках Святого Грааля" (Christus und die geistige Welt. Auf der Suche nach dem heiligen Gral, GA 149), а также прим. 11

26 Albrecht von Scharfenberg. Der jüngere Tituriel.

27 О Фоме см. Р. Штайнер "Философия Фомы Аквинского", три доклада 1920г., в GA 74.

28 R. Steiner "Mein Lebensgang", GA 28; Прокофьев С. О. "Рудольф Штайнер и краугольные мистерии нашего времени".

29 К биографии Иты Вегман см. прим. 24

30 См. прим. 6 и 17

31 См. Книгу Иисуса Навина, а также E. Bock, Moses und sein Zeitalter. Stuttgart 1983.

31a GA 130, см. прим. 4

32 См. прим. о

33 Рудольф Штайнер назвал две другие инкарнации Христиана Розенкройца. 6 мая 1909 г. в докладе "Европейские мистерии и их посвященные" (в том же Wo und wie findet man den Geist? GA 57) он установил связь между индивидуальностью Христиана Розенкройца и

образом Флоса (Флор, Флер) из пророческой легенды о Флосе и Бланкефлоре. Он сказал там:

"В кругах посвященных говорилось: та же душа, которая была во Флосе или Флоре и воспета в легенде, была снова воплощена в основателе розенкрейцерства в 13 и 14 столетии для основания новой мистернальной школы, предназначенной хранить тайну Христа соответствующим новому времени образом. - В более узком кругу во время цикла "Восток в свете Запада" (Der Orient im Lichte des Okzidents, SA 113) Рудольф Штайнер выразился, что легенда о Флосе и Бланкефлоре восходит к инспирации короля Грааля Титуреля. Флос и Бланкефлор, согласно Штайнеру, имели задачу в мистериях Грааля.

Можно предположить, что Бернард Ливехуд забыл в этой главе указать на это воплощение. Во время предварительной беседы, в которой он намечал основные линии запланированной книги, он упоминал об этом воплощении Христиана Розенкройца. При этом он указывал на двойственность: первое, что, по его мнению, важно, что Христиан Розенкройц, подобно Рудольфу Штайнеру и Ману, прошел через воплощение в сфере мистерий Святого Грааля; второе - легенда о Флосе и Бланкефлоре показывает, что значительными вождями человечества принесены большие жертвы. В этой связи он указал на параллели к истории Сигуне я Шионатуландера.

Другое воплощение Христиана Розенкройца, о котором говорил Рудольф Штайнер, это граф Сен-Жермен. В докладе от 4. 11. 1904 в Берлине (GA 93, см. прим. 17) наряду с другим он говорит следующее: "Перед французской революцией у придворной дамы королевы Марии-Антуанетты мадам де'Адемар появилась одна личность, которая предсказала все важные эпизоды революции и предостерегла. Это был граф Сен-Жермен, та же личность, которая в предыдущей инкарнации основала орден розенкрейцеров. Тогда он представлял ту точку зрения, что люди должны быть спокойным образом приведены от светской культуры к подлинно христианской культуре. Однако светские власти хотели материальным образом завладеть свободой. И он, хотя и видел революцию как необходимое следствие, предостерегал от этого. Он, Христиан Розенкройц, в инкарнации восемнадцатого столетия как хранитель сокровеннейшей тайны Медного Моря и Святого Золотого Треугольника, предостерегает: человечество должно развиваться медленно. Однако он видел, что произойдет". - Указания на Медное Море и Святой Золотой Треугольник относятся к Хираму Абифу и Храмовой легенде. О графе Сен-Жермен мало известно. Чаще всего его изображают как искателя приключений.

34 Hilma Walter, *Abnormitäten der geistig-seelischen Entwicklung in ihren Krankheitserscheinungen und deren Behandlungsmöglichkeiten*.

35 Рудольф Штайнер "Как достигнуть познаний высших миров?", GA 10, *Духовное познание*", Калуга, 1992.

36 См. прим. 7

37 Институт Луиса Болька: расположенный в Дрибергене (Нидерланды) институт для естественнонаучных исследований на гетеанистически-антропософской основе.

38 В своей книге "Девятый век" Вальтер Иоханнес Штайн (W. J. Stein. *Das neunte Jahrhundert*) подробно описывает, как Рудольф Штайнер однажды посетил одиннадцатый класс и говорил о Парсифале и Граале. - Замечание Рудольфа Штайнера об индивидуальности Мани, которая еще значительней, чем три названных существа, Скитнанос, Будда и Заратустра", содержится в докладе от 31. 8. 1909, GA I3 (см. прим. 18).

39 Р. Штайнер "Храмовая легенда и золотая легенда" (GA 93), доклад от 11. 11. 1904. В нем Рудольф Штайнер говорит о Мани и манихействе. См. также тома "Вклад в познание Мистерии Голгофы" (*Bausteine zu einer Erkenntnis des Mysteries von Golgatha*, GA 175), "Восток в свете Запада" (GA I3), доклад от 31. 8. 1909 и эзотерические уроки в GA 264; Eugen Roll "Mani, der Gesandte des Lichts" (Stuttgart 1976) - Имена Мани и Манес в литературе используются как синонимы для одной и той же личности.

40 См. тот же доклад от 11. 11. 1904 в GA 93.

41 См. прим. 39

42 GA ИЗ, доклад от 31. 8. 1909

43 В докладе от 22. 12. 1946 Эренфрид Пфайффер сказал: "Социальная трехчленность Рудольфа Штайнера имеет прежде всего подготовительную функцию для будущей инкарнации Манеса. Однажды я разговаривал с Рудольфом Штайнером о том, когда настанет подходящее время для применения эфирных сил в технических целях. Он сказал, что это возможно было бы в том случае, если бы была осуществлена социальная трехчленность. Он сказал дальше, что теперь Ману не смог бы найти подходящего тела, чтобы инкарнировать; потому что все силы, которые он мог бы принести в воплощение, были бы разрушены сегодняшней системой образования. Поэтому необходимо, чтобы воплотились в жизнь вальдорфская педагогика и трехчленность социального организма... Я рассматриваю это как нашу срочнейшую задачу, реализовать эту трехчленность сначала в мыслительной форме, а затем в действии, так, чтобы Манес смог инкарнировать. Кармически правильным для этой инкарнации Манеса было бы время примерно в конце этого столетия. Будет ли это возможным, я не знаю. Но если будут учреждены трехчленность и вальдорфская педагогика, он смог бы снова инкарнировать. Такое воплощение могло бы коренным образом повернуть мировую тенденцию. Люди транжируют свое время на такие вещи, как Объединенные Нации, и не знают, как им решить мировые проблемы. В области политических действий мы должны отказаться от методов проб и ошибок. Их место должны занять готовность к пониманию и мудрость... " (E. Pfeiffer, Notes and Lectures, compendium, Mercury Press, Spring Valley/New York, 1991)

44 Об инкарнации Аримана Рудольф Штайнер только в 1919 году говорит семь раз: 27. 10 и 4. 11. 1919 (см. "Внутренний аспект социальной загадки" - Der innere Aspekt des sozialen Ratsels, GA 193), 1., 2. И 15. 11. 1919 ("Социальное согласие на основе духовнонаучных познаний" - Soziales Verst?ndnis aus geisteswissenschaftlicher Erkenntnis, GA 191), 25. и 28. 12. 1919 ("Мировой Сильвестр и новогодние мысли" Weltsylvester und Neujahrsgedanken, GA 195)

45 См. Рудольф Штайнер "Очерк тайноведения", GA 13, "Из летописи мира, GA 11

46 См. Рудольф Штайнер "Внутренний импульс развития человечества" (Innere Entwicklungsimpulse der Menschheit), доклад от 24. 9. 1916, в GA 171. В этом докладе Рудольф Штайнер рассматривает взаимосвязь мистерий Таотля и Мистерии Голгофы.

46а Другая возможная транскрипция этого имени: Уицилопочтли.

47 Несмотря на кажущееся неразрешимым противоречие между предшествующим утверждением Бернарда Ливехуда, что Ману был как юноша из Наина, как современник Иисуса воплощен в Палестине, что, кажется, должно исключать одновременную деятельность в Мехико, издатель и переводчик решили оставить этот пассаж таким, как его продиктовал Ливехуд. Указание на Вицилипуцли как на высокого солнечного посвященного - возможно, замещавшего самого Ману - который свел на нет влияние мексиканских черномагических мистерий, не теряет от этого свое значение.

47а Рудольф Штайнер "Теософия", GA 9, на немецком и русском языках, "Духовное познание", Калуга 1995.

48 Имеется в виду доклад от 7. 3. 1914 в Штутгарте, включенный теперь в том "Путь к новому стилю архитектуры" (Wege zu einem neuen Baustil, GA 286).

Именной указатель

Херберт Хан (1890-1970), член Антропософского Общества с 1912 года. Один из первых учителей Свободной Вальдорфской школы в Штутгарте. Долгое время он жил в Цейсте (Нидерланды). Стал особенно известен как автор труда "О гении Европы" о сущности европейских народов, в котором он развивает характеристику психологии различных народов, данную Рудольфом Штайнером.

Евген Колиско (1893-1939), учитель и школьный врач первой Свободной Вальдорфской

школы в Штутгарте. До 1935 года член Правления Антропософского Общества в Германии. В 1935 году переселился в Англию.

Эренфрид Пфайффер (1899 - 1961), совместно с Рудольфом Штайнером создал первый препарат для биолого-динамического сельского хозяйства. Сконструировал освещение сцены Гетеанума,. В середине тридцатых годов переехал в Нью-Йорк, где продолжил свою работу.

Фридрих Риттельмайер (1872-1938), протестантский теолог, с 1902 по 1916 священник в Нюрнберге, затем в Берлине. С 1911 близкие личные отношения с Рудольфом Штайнером Сооснователь и первый руководитель основанной при посредничестве Рудольфа Штайнера Христианской Общины - движения за религиозное обновление. Среди многого другого автор воспоминаний о Рудольфе Штайнере.

Мария Рёшль (1890-1969), с 1921 преподавала в Свободной Вальдорфской школе в Штутгарте иностранные языки и религию. С 1924 руководила Секцией "духовных устремлений юношества" при Свободной Высшей Школе духовной науки.

Мария Штайнер-фон Сиверс (1867-1948). С 1923 член Правления основания Всеобщего Антропософского Общества. Руководила "Секцией говорящих и музицирующих искусств" Свободной Высшей школы духовной науки. Уже с 1902 г. сотрудница Рудольфа Штайнера, с которым в 1914 г. вступила в брак.

Альберт Штеффен (1884-1963). Швейцарский поэт и драматург, руководитель Секции прекрасных наук. Член Правления основания и заместитель председателя Всеобщего Антропософского Общества. После смерти Рудольфа Штайнера первый председатель.

Вальтер Иоханнес Штайн (1891-1957), учитель истории в первой Свободной Вальдорфской школе в Штутгарте. Также, как Ита Вегман, Биллем Цильманс ван Эммхovens и другие, был исключен из Всеобщего Антропософского Общества. В середине тридцатых переехал в Лондон. Автор значительного труда "Девятый век. Мировая история в свете Святого Грааля, в котором он на основе указаний Рудольфа Штайнера предпринимает историческое исследование фактов, касающихся легенды о Святом Граале. Книга содержит подробное эзотерическое толкование Парсифаля" Вольфрама фон Эшенбаха.

Альбрехт Штрохшайн (1899-1962) сначала участвовал в распоряжении финансами экономической инициативы "Грядущий день" Штутгарте. Позже лечебный педагог и сооснователь лечебнопедагогического института Лауенштайн вблизи Иены.

Хильма Вальтер (1893-1976), врач клиническо-терапевтического института Иты Вегман в Арлесхайме. Позже жила и работала в Асконе. Автор книг: "Мир растений. Его родство с развитием Земли и человечества" и "Аномалии духовно-душевного развития в их болезненных проявлениях и возможностях ухода".

Ита Вегман (1876-1943), врач, как и Мария Штайнер-фон Сиверс и Альберт Штеффен была членом Правления (основания) Всеобщего Антропософского Общества с 1923 года, когда во время Рождественского Собрания тогдашнее Антропософское Общество было основано заново. Руководитель Свободной Высшей Школы духовной науки. Совместно с Рудольфом Штайнером автор книги "Основания расширения искусства врачевания из духовнонаучных познаний" (Grundlegendes für eine Erweiterung der Heilkunst nach geisteswissenschaftlichen Erkenntnissen, GA 27) Упомянутые Бернардом Ливехудом конфликты привели к тому, что Ита Вегман вместе с большей частью членов Общества была в 1935 году из Антропософского Общества исключена.

Биллем Цильманс ван Эммхovens (1893-1961), с 1923 председатель Антропософского Общества в Нидерландах, автор многих книг, в том числе биографии Рудольфа Штайнера. В 1935 году вместе с Итой Вегман и другими исключен из Всеобщего Антропософского Общества. Он очень много сделал для того, чтобы устранить возникший от этого раскол, что формально произошло в 1948 году. В 1960 руководимое им Нидерландское общество снова вошло во Всеобщее Антропософское Общество.

От издателя

Книга Бернарда Ливехуда увидела свет на голландском языке в начале 1993 года, вскоре после перехода автором порога духовного мира. Ее появление стало своего рода испытанием для всего антропософского движения. Нет, наверное, такой антропософской группы, где бы она не обсуждалась, вызывая порой противоположные мнения. Необычайная актуальность последнего труда Ливехуда подтверждается и тем, что он неоднократно переводился и переиздавался (например, на немецком уже в первый год четыре издания - весьма редкий случай в антропософском книжном мире!), ему посвящены несколько представительных международных конгрессов, а статьи и рефераты по затронутым в нем вопросам составили бы не один том.

Русское издание этой книги было подготовлено уже в 1994 году. И поскольку история ее возникновения достаточно подробно изложена в предисловии Йелле ван дер Мейлена, никакой издательской статьи первоначально не предусматривалось. Но едва "О спасении души" появилась в проспекте издательства, стали раздаваться голоса, что делать этого нельзя. Поскольку в России лишь недавно возобновилась открытая антропософская работа, многие из причастных к ней людей еще только входят в духовную науку, недостаточно работали с основополагающими трудами Рудольфа Штайнера; книга же Ливехуда посвящена теме, о которой, якобы, вообще не следует говорить открыто, к тому же некоторые факты в ней изложены не вполне точно, да и сам тон книги не всеми приемлем.

Правда, скажем сразу, нетерпеливых запросов "когда же, наконец, издадите?" поступало больше, как и дружеской поддержки тех, кто уже прочитал духовный завет Ливехуда. Но в возражениях наших оппонентов звучала забота о развитии антропософии в России. Уже в силу этого мы, представляя русскому читателю после столь длительного размышления последний труд Бернарда Ливехуда, и делаем это как раз из тех же побуждений - из интересов здорового развития антропософии в России, - должны, по нашим представлениям, открыто объяснить, почему мы это делаем.

Когда задаешься вопросом, в чем причина столь противоположных мнений об этой книге, понимаешь, что этих причин несколько. Прежде всего, тема. Книга рассказывает о реинкарнациях трех великих посвященных, вождей человечества: Рудольфа Штайнера, Христиана Розенкройца и Ману. Вопросы реинкарнации на протяжении всей истории антропософского движения были тем, о чем принято было говорить как бы вполголоса. Видимо, для этого были свои причины. Но сохраняют ли они и сегодня свою силу? Бернард Ливехуд открыто говорит на эту тему потому, что десятилетия размышлений над инкарнациями трех великих посвященных привели его к пониманию, что с этими тремя индивидуальностями связаны три мощных духовных течения, во взаимодействии которых и происходит развитие человечества. И если мы, называющие себя антропософами, хотим сознательно работать во благо человечества, мы должны знать инкарнации этих вождей человечества и изучать эти духовные течения. Характеризуя каждое из них, Ливехуд помогает читателю увидеть их признаки в собственной жизни. Он размышляет о том, как могут эти три великие духовные течения сотрудничать в мире, как они соединяются в отдельном человеке и определяют внешние формы его деятельности. Можно, наверное, сказать, что ясное видение этих трех духовных потоков открывает нам новый путь к пониманию триединого духовного организма человечества, а единичному индивиду помогает постичь задачу настоящей инкарнации. И тут важно вспомнить, как открытие Рудольфом Штайнером, к примеру, трехчленности человеческого существа позволило возникнуть новому искусству воспитания, а трехчленный образ социального организма ведет к пониманию социальных процессов и здоровому социальному волеию.

Второй момент связан с объективно существующей в наши дни ситуацией, что изучение трудов Рудольфа Штайнера, в которых содержатся основы науки о духовном мире и его

связи с физическим, требует от читателя таких способностей, которые обычной жизнью (скажем, учебой в советской школе или вузе) не только не развивались, но подавлялись. То есть это очень непростой труд, к которому многие не готовы. И на этом фоне в принципе может происходить, а фактически, наверное, и происходит предпочитание трудам Рудольфа Штайнера более современно, более доступно написанных книг по антропософии. А то, насколько по-разному действуют труды Рудольфа Штайнера и книги современных авторов, мы также пережили в начале своей открытой работы в Калуге. Именно поэтому работы Рудольфа Штайнера (а теперь еще и издаваемые нами параллельно на русском и немецком языках) занимают первостепенное место в нашей издательской программе. Но здесь, на наш взгляд, очень важно различать, излагаются ли в книге современного автора в очередной раз основы духовной науки, или в ней описаны результаты собственных (стоящих на этих основах!) исследований современного состояния мира. Опыт Бернарда Ливехуда, когда, скажем, из одной фразы Рудольфа Штайнера в "Философии свободы" о моральной технике он развивает науку об организации работы сообщества людей*, а из этого целый институт (НПИ) - этот опыт и эти книги, на наш взгляд, как раз являются примером того, как современный труд может не заслонять наследие Рудольфа Штайнера, а приводить к этому наследию.

Еще один неприемлемый для противников книги момент - тональность и язык книги, ее совершенно личностный характер. Не все готовы это принять; кому-то кажется кощунственным говорить о таких важных, сокровенных вещах столь "будничным" образом. Но ведь автор рассказывает о том, что занимало его всю сознательную жизнь, что стало частью его самого. О том же, что является частью себя самого, нам свойственно говорить без излишнего пафоса и пиетета. Даже если речь идет о решающих, величественных событиях в истории человечества и деятельности великих учителей человечества. Шесть десятилетий жизни с мыслями об этих индивидуальностях и их деяниях на благо мира освобождают от придавленности их величием, а почитание и благоговение, если оно действительно пережито, из слов, из речи переходит в жизнь, в дела...

И последнее. Автора упрекают в явных ошибках. Одна из самых серьезных: Ману и Мани вовсе не одна и та же индивидуальность, как утверждает Ливехуд, и чтобы в этом убедиться, достаточно лишь внимательно читать Рудольфа Штайнера.

Но в отношении этой, вовсе не столь однозначной, как может показаться на первый взгляд, ситуации с неточностями, Рудольф Штайнер указал на очень примечательный факт: все, что при внутренне серьезной деятельности высказывается людьми здесь на Земле, коррегируется духовным миром; то есть Дух сглаживает возможные неточности - важно, чтобы импульс был правильным. Если переживание этой мысли соединить с тем фактом, что Бернад Ливехуд вовсе и не претендует на обладание истиной в последней инстанции, что он рассматривал свою исповедь (а это именно исповедь) как побуждение к поиску, что он не только отвечает на вопросы, но и задает их - возникает понимание, что наша общая задача в том и состоит, чтобы разобраться, действительно ли исследующему взору Ливехуда были "подставлены" ложные факты, и если да, то как эта подмена может происходить (например, каковы действия болезни и наркоза, применявшегося при операции, которую пришлось перенести автору).

В целом же можно сказать, что издавая эту книгу, мы, по большому счету, противопоставляем всем рассмотренным и не рассмотренным здесь, но также известным нам аргументам лишь один: личность автора. Это, на наш взгляд, и есть то, что ускользает или сознательно отбрасывается критиками, тогда как именно в данном случае делать этого нельзя. Слово, подчеркивал Достоевский, лично - имея в виду, что слово не самоценно само по себе, силу и вес ему придает личность. Одни и те же слова, произнесенные разными людьми, имеют разное значение и воздействие. То же и в отношении данной книги: будь она написана другим, не сделавшим так много для развития и утверждения антропософии автором, она вполне могла бы предстать сводом

интригующих, не общеизвестных фактов, изложенных, быть может, не всегда убедительно, и цепочки далеко не бесспорных суждений. Примеры такой антропософской литературы может привести каждый. Но Бернард Ливехуд за свою более чем шестидесятилетнюю деятельность в антропософии основал лечебнопедагогический институт Цоннехуиз (Дом Солнца), NPI (Нидерландский педагогический институт для содействия развитию), Высшую Школу в Дрибергене (антропософский университет). Все эти работающие из импульса духовной науки учреждения возникли, утвердились, выдержали проверку временем и активно работают по сей день. Едва ли не все, что он делал, создавалось впервые и не имело земного образца. Легко представить, какую стену ежеминутных проблем, воздвигнутых перед ним материальностью нашего мира, а также непониманием и неодобрением его начинаний частью антропософов (это тоже было) приходилось преодолевать ему на протяжении всей жизни. Но Ливехуд умел видеть в этих препятствиях манифестацию различных сил духовного мира, а это, в свою очередь, помогало познанию, позволяло ему воспринимать тот духовный образ, который стремился обрести с его помощью земную плоть. Чтобы охарактеризовать чуткость автора, его умение уловить запросы Духа Времени и соединить их с возможностями места, хочется подчеркнуть здесь обычно ускользающее: Ливехуд не только сумел в нужное время вызвать эти институты к жизни, но и вовремя их оставить, когда видел, что детище стало на ноги и нуждается в свободе развития. Свободе от него самого... Причем не бросал на произвол судьбы, а передавал в руки тех, кто вырос рядом с ним, с его помощью...

Нет никакого сомнения, что деятельность Бернарда Ливехуда была благословлена духовным миром. И мы не вправе отрывать эту книгу от его наследия, сколь бы трудным испытанием для нас она ни казалась.

Примечательно, что это испытание - в отличие от внешних, вызванных внешним противодействием духовной науке - пришло изнутри, из глубин самого Антропософского Общества. Ибо кто кроме самой духовной науки мог бы обрушить - другого слова, пожалуй, не подберешь - на стремящуюся к самопознанию душу столько эзотерических сведений и фактов, десятилетиями - а как оказалось, еще и сегодня - в сознании части антропософов подлежащих табу. Поэтому оправданно будет сказать, что появление посмертной книги Бернарда Ливехуда, более полувека назад связавшего свою жизнь с антропософией - это, в определенном смысле, самоиспытание антропософии, попытка само-проверки и мобилизации сил в канун надвигающихся важнейших событий в судьбах человечества. Речь идет прежде всего о тех силах, о тех членах антропософского движения, которые этим движением еще как бы не вполне востребованы. Ибо востребованной, а в какой-то степени и господствующей в настоящее время является интеллектуалистическая тенденция. Опыт же всей жизни Бернарда Ливехуда привел его к осознанию решающего для исхода борьбы значения того факта, выступают ли "благие силы" сообща, поддерживая друг друга - или они разобщены, и одна часть становится подавляющей.

Ливехуд говорил о своем желании и надежде, что этот его труд послужит объединению, а не разъединению антропософов; усилению, а не ослаблению антропософского движения. Он не мог не видеть "незавершенности" этой книги как книги - но он имел в виду, что и ее недостатки, и ее возможные неточности также должны служить развитию, укреплению и объединению. И выдвигать на передний план недостатки книги, оставляя в стороне ее импульс, игнорируя ее безусловно положительный духовный потенциал - не значит ли это идти на поводу как раз тех сил, которые так конкретно-узнаваемо описаны в этой книге, и час решающих битв с которыми уже близок. Именно на эту борьбу хотел укрепить нас своей книгой Бернард Ливехуд.

Мы издаем эту книгу для участников антропософского движения в России, поскольку многое из происходящего в нем убеждает: выход этой книги может способствовать излечению именно тех "болезней роста", которые присущи нашему движению. Запрет же

на ее издание - это только кажущееся решение проблемы. Поддайся мы такому соблазну, антропософскому движению был бы нанесен несомненно больший вред, только осозналось бы это позже. Запреты ни к чему хорошему не ведут - неужели же мы так быстро все забыли...